

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ

ВОРОНИЙ ЗАКАТ

ЭД МАКДОНАЛЬД

Эд Макдональд
Вороний закат
Серия «Черные крылья», книга 3
Серия «Шедевры фэнтези»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67897760

*Вороний закат:
ISBN 978-5-17-139464-6*

Аннотация

Война с Глубинными королями подходит к концу, и, кажется, люди в ней проигрывают. Жуткие красные дожди истязают землю, с каждым днем из Морока появляются все новые чудовища, и даже бессмертные узнают о том, каково это — умирать. Глубинные короли становятся все сильнее и готовятся нанести последний, решающий удар. Но Рихальту Галхэрроу сейчас не до этого. Он слишком далеко забрался в Морок. Страшная пустыня проросла в него, изменила, и теперь призраки прошлого преследуют Рихальта повсюду. И когда немногие выжившие капитаны «Черных крыльев» отправятся во тьму с последней миссией, которая может все изменить, тени мертвых последуют и за ними.

Содержание

Благодарности	5
Что происходило в «Черных крыльях» и «Знаке ворона»	7
Глава 1	9
Глава 2	23
Глава 3	35
Глава 4	49
Глава 5	62
Глава 6	77
Глава 7	85
Глава 8	96
Глава 9	115
Глава 10	123
Глава 11	135
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Эд Макдональд

Вороний закат

Посвящение

Моим маме и папе

Ed McDonald

CROWFALL

The Raven's Mark, Book Three

This edition is published by arrangement with Sheil Land Associates Ltd and The Van Lear Agency LLC

Copyright © 2019 by ECM Creative, Ltd.

© Дмитрий Могилевцев, перевод, 2022

© Dark Crayon, иллюстрация, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Благодарности

Когда выходит книга, обычно все лавры достаются писателю. Но роман – это плод коллективных усилий.

Спасибо моим редакторам, Джилиан Редферн, Джессике Вэйд и Крэйгу Лейнаару, за бесценные советы по сюжету. Редакторы забрасывали меня идеями, заставляли сосредоточиться, прийти в себя, когда мне казалось, что я занимаюсь не своим делом не на своем месте, вытаскивали из логических тупиков.

Я безмерно благодарен своему агенту Яну Друри за доверие и за то, что он отправил меня кубарем вниз по кроличьей норе.

Мои благодарности тем, кто работал за сценой: Миранде Хилл, Стиви Финегану, Алексис Никсон, Йену Мак Менеми и всем остальным, помогавшим продвигаться моей серии.

Спасибо Гайе Бэнкс и Альбе Арнау из «Шейл Лэнд» за великолепную работу: благодаря им мои книги переводят на все большее число языков.

Благодарю тех, кто тренировался со мной в Лондонской академии меча последние четыре года. Ваши головы были чудными мишенями для отработки фехтовальных приемов.

Моя благодарность Энди Стотеру, назвавшему «Ложкой» свой первый боевой молот и прожившему вместе со мной дюжину разных жизней в придуманных нами мирах.

Особая благодарность – моим дедушке и бабушке, Молли и Лесли.

Я благодарен Киту, Бену, Грегу и Генри. Они раньше других прочли то, что потом стало «Черными крыльями».

И, наконец, я неизменно благодарен маме, с раннего детства приучавшей меня сочинять и рассказывать истории, и папе, вложившему в руку трехлетнего мальчика деревянный меч. Конечно, временами мое маниакальное увлечение го-блинами и драконами ставило вас в тупик, но тут вы сами виноваты.

Что происходило в «Черных крыльях» и «Знаке ворона»

Безымянные с незапамятных времен воюют с Глубинными королями. Глубинные короли пытаются поработить людей и превратить их в драджей, безобразные подобия человека, рабов, обожествляющих Глубинных королей и слепо преданных им. Глубинным королям противостоят Безымянные – безжалостные, готовые на все ради победы.

Девяносто лет назад Воронья лапа обрушил на приближающихся врагов Сердце Пустоты и тем самым сотворил Морок – отравленную, полную магии пустыню, где бродят призраки и рыщут уродливые чудовища, где направления и расстояния не такие, какими кажутся. Дорогу в Мороке могут найти лишь навигаторы, умеющие читать по трем лунам.

Рихальт Галхэрроу – капитан «Черных крыльев», связанный магией слуга Вороньей лапы. Он должен выискивать и искоренять предателей, диссидентов, шпионов. С помощью Эзабет Танза, спиннера, – колдуньи, умеющей превращать свет в магию, Безымянным удастся заманить и уничтожить Глубинного короля Шаваду и спасти Валенград. Но магия испепеляет Эзабет, и Рихальт снова теряет женщину, которую любил двадцать лет назад. Однако магия запечатлевает в свете призрак Эзабет, и тот изредка является людям.

Спустя четыре года после гибели Шавады возникает новый враг – управляющий плотью колдун Саравор, некогда исцеливший Ненн, компаньонку Рихальта по «Черным крыльям». Саравор желает напитать Око Шавады на крыше Великого шпиля энергией, чтобы сделаться Глубинным королем. При помощи призрака Эзабет и Валии, шефа своей разведки, капитан предотвращает катастрофу. В финальной битве Ненн погибает, но Саравора уносит с крыши Великого шпиля гигантский выплеск магической энергии.

Хотя город спасен, Амайра, воспитанница капитана, по собственному решению заключает контракт с Вороньей лапой, принимает его метку и переходит в услужение к Безымянному. Валия, понимая, что их близость с Рихальтом заставляет того страдать, решает покинуть капитана. Расставание мучительно для обоих.

Проходят годы.

Близится схождение лун.

Глава 1

Я бухнулся в песок. Меня не заметили. Наверное. Сколько их было, я не разглядел – много. Но поубивать собирался всех.

– Что ты задумал? – спросила Ненн.

Она сидела на камне, скрестив ноги, и ногтем сдирала прилипшую к зубам лакрицу.

– Закрой рот или убирайся, – мрачно процедил я. – Если тебя засекут, ничего не выйдет.

– Ты сам меня учил не ввязываться без перевеса сил.

Ненн обнаружила застрявший в зубах корешок, выдернула его и швырнула на песок, где тот немедленно исчез.

– Я тебя учил ввязываться с умом. Правда, нам обоим это страсть как помогло.

Ненн задумалась, затем презрительно фыркнула.

– Ну зато позабавились.

– Ты хоть раз сделаешь, как просили? Заткнешься?

Я прополз вперед, чтобы лучше видеть каменистую пустошь под склоном. Красный песок порос бурыми папоротниками. Они казались скорее шерстью, чем растениями. Морок иногда путался: что – животное, а что – растение или камень. Но в бурой поросли можно было укрыться. Я вытащил подозрную трубу, подкрутил, фокусируясь на отряде, быстро подсчитал.

Результат мне не понравился.

С нынешнего востока подходил изрядный патруль с запасными скаковыми и грузовыми тварями. Обычно ни Альянс, ни драджи не посылали солдат так далеко в Морок – по крайней мере, последние пару месяцев. Слишком плотная тут была магия, обволакивающая, словно желе. Она привлекала больших тварей. А может, они рождались в глубине Морока. Здесь даже воздух, затхлый и тяжелый, отравляла резкая химическая вонь всюду разлитого колдовства. Первый пришедший сюда патруль я счел сбившимся с пути. Второй тоже. Но затем явился и третий, а это уже не походило на совпадение.

Хм, три десятка драджей.

– Какие планы? – спросила Ненн.

Она поскребла живот, будто хотела разодрать кожу и посмотреть, что под ней. Иногда она так и делала. Иногда меня от этого даже не тошнило. Со временем привыкаешь ко всему. Я – живое тому свидетельство.

– Те же, что и обычно.

Ненн не помнила моих обычных планов. Призраки не умеют запоминать.

Я вытащил мушкет из потрепанного холщового мешка. На мне все изнашивалось и обветшало, но об оружии я заботился, доставал пострелять и аккуратно упаковывал, когда отпадала надобность в стрельбе. Я откусил кончик гильзы, засыпал порох, забил бумагу и пулю. Пуль у меня осталось всего три.

Как давно я не был в городе, не закупал припасы?

Не помню. Но сейчас и одной пули хватит.

Патруль оказался из драджей новой породы. Драджи – они разномастные, от чудовищно распухших «невест» до серо-восковых безносых бойцов. У этих кожа была синюшного оттенка, от людей у них почти ничего не осталось. Глядя в окуляр, я и с такого расстояния различал плоские, лишённые черт, также безносые лица – пласты мяса с ртами-прорезями и черными шарами глаз. Ехали драджи плотным строем, на косматых четвероногих тварях, неизвестных нашим ученым. Привезли тварей издалека, из какой-то покоренной Глубинными королями земли. Я называл их харками – за издаваемые звуки. Харки были тяжеловесными, медленными. Седоки держали в руках тяжелые арбалеты и пики, мечи, боевые молоты. Хорошее снаряжение. И доспехи неплохие.

Они наверняка охотились за мной. А что еще им тут искать?

Я закрепил прицел на мушкете. Таким прицелом в нашем мире могут похвастаться немногие. Или вообще никто, кроме меня. Над ним поработал Малдон. Прицел сам учитывал расстояние и отдачу. Кто его знает, как он работал, но с ним я из посредственного стрелка превратился в звезду снайперов.

Теперь – найти мишень. Главного распознать просто: у него на мускулистых руках больше всего молитвенных лоскутов: болтающихся черных и красных тряпок, демонстрирующих благочестие. Синюшная трупная морда, как и

у остальных, но на панцире – позолоченная печать, отмети-
на короля Акрадия, знак рабства, носимый в качестве меда-
ли. Я прицелился в переносицу главарю, но стрелять не стал.
Главарь, да... но его место тут же займет помощник. А меня
после выстрела сразу заметят.

Главная цель – в середине колонны. Он тоньше и меньше,
чем другие воины, иначе изувечен, в нем больше осталось
от человека: нос, губы, волосы. Древние бронзовые доспе-
хи его вычурно разукрашены – знак почестей от господина.
Хм, а пробьет ли мой мушкет доспехи с такого расстояния?
Похоже, этот тип – самый безобидный в ораве. Но именно
он здесь ценнее всех. У него инструмент, сделанный из тол-
стых и тонких колесиков и линз. Астролябия для определе-
ния положения лун – только их положение и постоянно в ха-
осе Морока.

– Один выстрел, – напомнила Ненн. – Они же услышат.

– Спасибо, не знал, – буркнул я. – А тебе-то какое дело?

Она ухмыльнулась и пожала плечами.

Я ненавидел призрак Ненн. Знал, что Ненн – ненастоя-
щая, но, вопреки своей воле, реагировал на нее, будто на вза-
правдашнюю. И это ненавидел тоже.

Так, зажигаем фитиль. На полке есть порох – все, можно
стрелять. В ноздри ударил едкий кислый смрад. А, старый
знакомец. Я с наслаждением вдохнул его. Вонь Морока я уже
почти не замечал. Со временем приспособливаешься к чему
угодно. А у меня времени было достаточно – целых шесть

лет.

– Думаешь, после выстрела они не кинутся убивать тебя? – осведомилась Ненн.

– Попытаются, – заверил я.

Посмотрел в прицел, навел. Попасть в башку куском свинца – хорошо. Но у драджей толстые черепа, и не каждый такой выстрел убивает. У меня есть цель получше.

По щеке скатилась капля пота. Я медленно, спокойно дышал, прислушиваясь к биению сердца, пока в голове не сделалось светло и пусто.

Щелкнул курок, вспыхнул порох на полке, ружье взревели, и астролябия в руках драджа брызнула фонтаном стеклянных и металлических осколков. Пуля проломила бронзовый нагрудник и вышла со спины. Вокруг завывали харки, из дергающихся пальцев выпал комок прутьев, колес и циферблатов, и навигатор вывалился из седла.

В этот момент все драджи сдохли, они были мертвей, чем если бы я вогнал каждому пулю в голову. Главное в Мороке – не потерять навигатора. Там повсюду пески, компас не знает, куда показывать, ориентиры будто отрачивают ноги и проворно удирают. Выбраться из глубин Морока назад, в Дхьяру, драджи имели меньше шансов, чем я – выиграть конкурс красоты.

– А вдруг у них есть второй навигатор? – спросила Ненн.

Я прицелился в павшего, но остальные засуетились, прикрыли его своими телами.

– Они никогда не берут второго. Эти «голубые» неизвестной породы точно не отыщут обратной дороги. Гляди, капитан уже понял, что дело дрянь.

Я посмотрел направо, но Ненн тут же переместилась влево и злорадно ухмыльнулась в ответ на мой оскал.

Драджи не ухмылялись. Они яростно и тоскливо завывали, выдернули из ножен мечи. На узорчатых доспехах, покрытых славословиями богам-Королям, болталось, трепетало на ветру множество лент с молитвами. Но, похоже, молились эти драджи не слишком усердно.

– Ты уверен, что все продумал? – осведомилась Ненн.

– Вечно тот же вопрос.

– А как ты собираешься их перебить?

– Никак, – ответил я. – Мне не придется.

Драджи заметили меня. Их плоские лица и янтарные глаза обратились к облаку порохового дыма. Они знали: шансы попасть из арбалета с такого расстояния меньше нулевых. К тому же противник один. Я встал, чтобы лучше засветиться, и занялся перезарядкой: надкусил второй патрон, засыпал порох, забил пыж и зарядил пулю.

Драджи пришпорили рогатых тварей, харки застучали копытами по песку и щебню: пошли вверх по склону. Похоже, растерялись и разозлились и харки, и их седоки. Это хорошо. Злость отупляет.

– Дрянной расклад, – буркнул призрак Ненн.

Я покачал головой.

Атакующие драджи были уже мертвы, хотя пока не понимали этого. Я скрипнул зубами, стер пот со лба. План мой не вызывал сомнений, но, по правде говоря, и лучшие планы нередко рассыпаются прахом.

– Давайте, ублюдки, пора прикончить меня, – прорычал я и прицелился.

Прицел послушно сделал поправку на меньшую дальность. Драджи неслись ко мне, песок летел из-под копыт. Первый всадник скалился, безгубый рот его испускал монотонное жужжание. Драдж мчался прямо на меня, высоко подняв кривой меч. Мушкет выплюнул пламя и дым, ошметки мозга и осколки кости окатили скачущих следом.

Драдж свалился под копыта.

Ну вот, зря потратил порох и пулю. Можно было и не убивать самому. Разве что смерть первого заставила остальных яростней нахлестывать харков. Драджи ревели от гнева – и, наверное, от отчаяния. Конечно, драджи думают не так, как мы. Измеряют время не годами, а великими мыслями своих господ. Но и драджи понимали: навигатор погиб, и они не услышат больше голос своего бога.

Стадо драджей вломилось в заросли стеклянной травы. Ее листья лежали на песке, прозрачные, похожие на битое стекло и не менее острые. Стадо добежало до середины зарослей, когда те пробудились. Встревоженная трава Морока вздыбилась, позвякивая, словно крошечные праздничные колокольчики. Такой чудный, прекрасный звук – большая редкость

среди черной пустыни. Но красота жила лишь мгновение. Ее заглушили истошные вопли.

Топочущие твари валились наземь – ноги им рассекало невидимыми лезвиями. В мгновение ока бесцветная трава сделалась багряной. Скачущие позади врезались в передних, инерция атаки несла их вперед, к прозрачной смерти.

Заросли дождались всех. Я встал на колени, положил ладонь на песок. Ощутил Морок: силу, грязь на лице мира. Молча поблагодарил черную пустыню.

Всюду раздавались визг и вопли. Хорошие, правильные звуки. А несчастные харки завывали и тявкали. Несчастные глупые создания. Траве Морока безразлично, кто в ней, звери или драджи. Не знаю, разумна ли эта трава и можно ли вообще считать ее растением, но гибкие стебли специально хлестали раненых, отсекали ноги. Если драдж опирался ладонью о землю, стебли выпрыгивали из-под песка, отсекали пальцы, пробивали ладони. А когда стебли входили в плоть, раскрывались шипы. Шансов на спасение не было.

Я сидел, подбрасывая последний патрон на ладони. Вряд ли он понадобится.

У подножия склона стоял капитан драджей и смотрел, как умирают его солдаты. Ну да, настоящий вождь всегда идет в арьергарде.

Я воткнул пальцы в песок. Нечто чуждое, но давно прижившееся внутри меня, соединилось с внешней отравой, побежало, покалывая, по рукам и позвоночнику. Оно уже по-

что не казалось враждебным. Трава на склоне оживленно кормилась – овивала последние куски драджей и волокла их в липкий красный песок, – но все же услышала. Я приказал ей: «Пропусти!» Морок понял, и заросли, поколебавшись, нехотя подчинились. Часть меня еще была чужой, недоброй, трава хотела схватить и пожрать эту часть, но остальное преобладало, и в темной спокойной глубине, где когда-то ютилась душа, я чувствовал тихую уверенность: трава пропустит.

Конечно, звучит высокопарно, словно я общаюсь с богом, а он отвечает, но на самом-то деле Морок едва замечал меня. Подумаешь – мелочь, мошка на слоновьем заду.

Я затушил фитиль, упаковал мушкет и направился к капитану. Тот не собирался удирать. Трава расступилась передо мной, лишь кое-какие молодые отростки, еще не обзаведшиеся шипами, пытались проколоть сапоги. Когда я впервые шел через заросли травы, то здорово боялся, но за годы привыкаешь к страху. Драдж не видел прежде, как идут сквозь прозрачную смерть, и его огромные рыбы глаза с широкими зрачками чуть не вылезли из орбит от удивления и ужаса. Он спрыгнул с харка, оттолкнул его – мол, иди прочь. Крупный драдж. Невысокий, но широченный, толстоногий и толсторукий. На плоских губах – молитвенные татуировки; на матовой, будто резиновой коже лба – большое, отливающее серебром клеймо, знак принадлежности Акрадию. Капитан носил меч, схожий с моим, – свой я отобрал у драджа-страж-

ника неподалеку от хрустального леса.

Я подошел на несколько шагов. Так мы уже могли прикончить друг друга. Капитан смерил меня взглядом. Он не знал, что делать со мной, и его можно было понять. Некто, не похожий ни на человека, ни тем более на драджа, прошел через поле стеклянной травы и хоть бы поцарапался – а ведь эта трава пожрала всех солдат капитана.

– О слуга Акрадия, мне бы хотелось переговорить с тобой, – начал я.

Формальное, вежливое обращение. Драджи любят формальности. Когда людей трахают в мозг и превращают в драджей, чувство юмора обычно гибнет.

Капитан удивился, услышав, как я болтаю на его языке. Он переступил с ноги на ногу, потянулся к эфесу – приготовился к драке. Я же и не думал браться за меч. Пусть их бог хоть насквозь прожжет им лбы своей меткой, один драдж – не угроза для меня.

– Кто ты? – спросил капитан.

– Человек, – ответил я.

Капитан занервничал, и я опустил дорожный мешок и мушкет на песок. Хотя, по-хорошему, так делать не стоило. Морок разрушает вещи, нить за нитью, до полного уничтожения. И ткань, и сталь, и человек – исчезает все.

– Ты – сын Морока? – прищурился драдж.

– Я всего лишь человек.

– Нет, ты – иное, – возразил капитан и был прав.

– Просто не похож на остальных. А ты понимаешь, что уже мертв?

Выпучив рыбы глаза, капитан посмотрел в сторону застреленного навигатора.

– Да.

– Тебе приказали отыскать меня. Зачем?

Полезно при любой возможности напоминать драдхам про богов. Это помогает сосредоточиться. Они помешаны на своих властителях.

– Ты – мерзость. Богами не дозволено твое существование, – оскалив толстые квадратные зубы, выдохнул драдж. – Для меня погибнуть – честь, если это приблизит законных хозяев мира к трону, принадлежащему им по праву. Тогда, наконец, воцарится мир.

– Ты ведь знаешь, что не сумеешь убить меня.

– Пусть. Но ты не сможешь противиться воле Глубинного императора, – заявил драдж.

Так уверенно и спокойно, словно и представить не мог ничего иного.

– А, значит, Акрадий вознесся над своими братьями? – с деланным безразличием осведомился я.

– Он – император, – ответил драдж таким тоном, будто я забыл, с какой стороны небо. – Твоя смерть – вопрос времени. Защищайся.

Мы взялись за мечи. Драдж был силен и умело бился. Но поединок продлился лишь пару секунд. Капитан отступил,

из шеи его хлынула кровь. Он упал на колени, не веря, что проиграл так быстро.

За последние годы во мне многое изменилось. В свои пятьдесят я не уступал силой и проворством себе двадцатипятилетнему. Даже превосходил. И дрался не как человек.

Когда капитан рухнул ничком и кровь потекла в песок, кто-то будто потрогал мой разум. А, трава. Она хотела тело капитана, но не могла дотянуться. Я был благодарен за свободный проход и потому подкатил тело к траве. Стебли проткнули, рассекли его, и вскоре совсем ничего не осталось. Трава захотела и навигатора, но возни с капитаном мне вполне хватило. Нога по-прежнему страдала от чрезмерных нагрузок, и, к тому же, на труп навигатора у меня имелись другие планы. Я пришил его к земле капитанским мечом. Готово. Но теперь надо разобраться с харками. Сами по себе они – не угроза, но способны привлечь больших тварей Морока. Мелочь меня обычно не трогала, но большие не понимали, как много я впитал местного яда. Недавно такой пролетел неподалеку: широкие крылья, скорпионий хвост и несколько голов. За ним по небу тянулся черный маслянистый дым.

Шантар.

Сколько бы сильно меня ни изменил Морок, против шантара я не выстоял бы и полминуты. В небе все еще держался дымный след – там, где, возможно, находился юг.

Появилось мрачное подозрение, что в Мороке меня ищут

не только драджи. Надо было поскорей избавляться от харков. Я порылся в седельных сумках. За последние месяцы мой нож выщербился, сделался хрупким. Сапоги тоже едва дышали, но обувь драджей мне бы не подошла.

Со зверями я справился без проблем: связал вожжи, а потом выстрелил холостым. Простодушные твари ошалели от страха и, увы, побежали туда же, куда и хозяева. Пусть трава скажет спасибо.

Пора было возвращаться. Я помнил, откуда пришел, но понятия не имел, приведет ли та же дорога домой. Опустившись на колени, я прижал ладонь к щебню. Магия потекла в мою руку, будто жуткий яд, способный разложить, поглотить все и вся. Я вдохнул и ощутил на губах отраву Морока. Мне так долго пришлось жить в его испарениях, что к боли и горечи уже примешивалась сладость. Я склонился к земле, выдохнул и позволил Мороку сказать, где север.

Я сделался частью земли. Не соединился с нею – слишком уж был мелок и чужд, – но мы открылись друг для друга.

Через Морок я чувствовал и своего хозяина – далекого, грандиозного, отделенного от своей сущности, но, странным образом, остающегося ею. Мой хозяин был очень далеко, за пределами мира. Он мучился, ослабленный после схватки Безымянных с Глубинными королями. Те снова взломали мир и пытались разбудить Спящего.

Мой хозяин и тиран. Воронья лапа.

Небо завывало, заплакало, будто истерзанное болью. На во-

стоке густо клубились красные тучи, пронизанные жилами ядовитой черноты. Отравленный дождь был напастью даже здесь, в Мороке. Он стал идти после Вороньего моря, низвержения моего хозяина, и приносил безумие и кошмары попавшим под него.

Я вытащил нож и сделал неглубокий порез на правом предплечье, исчерченном перекрестками бледных шрамов и старых татуировок. Пара капель крови песку Морока. Он с радостью примет жертву. Часть меня станет его частью. Своего рода бартер: я беру, но и отдаю.

Мысленно я слился с миром, увидел, как он меняется каждый час, месяц, каждую фазу луны. Отыскал Всегдашний дом и повернул к нему лицо. Чтобы найти патруль, мне потребовалось только два часа, но назад придется идти целых пять, мимо озера черной смолы, которого не было на пути сюда.

Глава 2

Облака пришли быстрее ожидаемого. Опустился багровый сумрак, и я побежал.

Наконец впереди появился столб дыма – верный ориентир. Он поднимался из трубы уютного коттеджа на холме, великолепного в своем уединении.

Мало что пережило ужас, сотворенный Сердцем Пустоты, но излившийся чудовищный яд, исковеркавший мир, не подчинялся никаким правилам. Яд разрушил Клир и Адрогорск, но вырвал из времени коттедж и бросил его нетронутым. Остров во временно́м искажении, пятнышко на ткани реальности, он каждый день возвращался в одно и то же состояние.

Я рванул напрямик. Но, когда разверзлись небеса, до коттеджа оставалась еще сотня ярдов. При первых шипящих каплях я накинул капюшон, но ткань быстро промокла. Капли просачивались сквозь нее и жгли будто крапива. Призрак Ненн куда-то смылся. Очень жаль. Иногда я думал, что, если бы она осталась жива, то полюбила бы жгучий дождь так же, как и перец. Но пристрастия Ненн были не по мне, и едкая дрянь на шкуре – тоже. Я ускорился, торопясь попасть под крышу до того, как перед глазами запляшут кошмары.

Я навалился на дверь. Как обычно, ее слегка заклинило, но все же она подалась и пустила меня под крышу. Я повесил

плащ у всегда горящего камина, старым фартуком стер с рук ядовитую жижу. Жжение – мелочи. Бывало и похуже. А вот кошмары – это по-настоящему страшно. Видения нереального и сводящего с ума, вереницы мрачных обличей, иногда мимолетных как тени... С ними что-то важное и нужное ускользает безвозвратно, убегает, будто песок сквозь пальцы. Вот лицо, которое невозможно увидеть, а вот – жизни потерянных близких, рассыпающиеся пеплом одна за другой. Когда-то я пытался найти в видениях смысл, но вскоре понял, что искать его бесполезно. Видения топили разум в бессмыслице, мучили чередой извращенных образов, оглушали судорожной болью, эхом неизвестного, непостижимого. Попавшие под дождь Морока впадали в беспамятство, бредили. Черный дождь пошел после Вороньего мора, и тогда погибли многие.

Очередные жертвы в бесконечной войне Вороньей лапы.

Но сегодня – никаких галлюцинаций. Я не успел как следует промокнуть. Сбросив сырое, я закрыл входную дверь и занялся важным делом: просушкой оружия. Если мушкет заржавеет, заменить его будет нечем.

Всегдашний дом я обнаружил давно, еще только испытывая свою способность ориентироваться в Мороке. Выходил тогда ненадолго, на месяц-другой. С годами я стал считать дом своим, хотя, конечно, из-за заикленности во времени сделаться его хозяином по-настоящему было невозможно.

Я прожил тут чертовых шесть лет в компании с призрака-

ми, убеждая себя, что оно того стоит. Когда всё нужное скажется и свершится, все, кого надо убить, умрут и настанет пора отбросить всякую ложь, оно будет стоять того.

Наверное.

Коттедж был простым крестьянским жилищем, обычным домом в обычной деревне неподалеку от Клира, почему-то пережившим Сердце Пустоты. Вокруг него раскинулась лужайка с вечнозеленой, не требующей полива травой. Причуда чудовищно разрушительной магии сохранила дому и стены, и соломенную крышу, которую следовало бы подремонтировать на северной стороне, и дешевые желтые стекла в окнах. В углу был кучей свален инвентарь: секач, ножницы для шерсти, молотильный цеп и прочие вещи, полезные в фермерском хозяйстве. Когда нагрянула беда, в доме готовили похлебку из лука-порей, обычного лука и трех кусочков баранины. Один кусок мяса был чуть больше остальных, в другом сохранился осколок кости. Я изучил их в мельчайших подробностях. Каждый день, вскоре после рассвета, дом возвращался в изначальное состояние. Похлебка оказывалась на огне, и с теми же кусками мяса, в чулане стоял все тот же мешок со старым пересохшим овсом, у стен валялся мышиный помет. Всякий раз перед возвращением дом поскрипывал и стонал. Дрожал, когда время начинало идти вспять. Мне не слишком хотелось знать, что случится, если я останусь в коттедже в момент перехода. К счастью, на момент удара Сердца Пустоты бочка была полна воды. Это позволи-

ло мне надолго уходить в Морок. Сперва я искренне жалел о том, что неведомые фермеры не спрятали в доме бутылку бренди или бочонок пива, но потом понял: по выпивке не скучаю. Я вел спокойную, невзыскательную жизнь и не особо нуждался в алкоголе. В конце концов, так живет большинство. Временами я был почти счастлив.

Я тщательно вычистил оружие, слегка смазал и аккуратно протер ветошью. Все, масла не осталось. Припасы заканчивались.

Переход – одновременно и благо, и зло. Когда он происходит, оставленное в коттедже исчезает. Этот горький опыт пришлось получить еще при первом визите сюда. Мне казалось, припасы спрятаны в надежном месте, но, вернувшись, я обнаружил, что пропало буквально все. Эксперименты с камнями привели к тем же результатам. Куда девались пропадавшие вещи, неясно. Потому, уходя, припасы я всегда уносил с собой.

Почему дом не пожрал меня самого – тоже загадка. Может, живые крепче привязаны к настоящему? Наверное, лучше не выяснять. Морок не пытаются уразуметь, его пытаются пережить.

Дверь я закрыл на засов. Твари Морока никогда не приближались к Всегдашнему дому, даже исполинские. Тем не менее приглашений им раздавать не следовало.

Я зачерпнул чашку воды, прохладной, свежей, словно сама жизнь на ферме превратилась в эту влагу.

За окном стемнело. Но у меня имелись огонь и еда, вода и тепло. А что еще нужно человеку? Дождь шел несколько часов. Я мрачно размышлял, удрученный словами драджа. Глубинные короли прознали обо мне, и это скверно. Они взялись охотиться за мной и вскоре пришлют новую партию уродов. Одна ошибка, и меня окружают, зажмут и прикончат. Припасов почти не осталось. Ни патронов, ни масла.

Надо возвращаться на Границу. Выдвинусь, пожалуй, завтра. На станции Четыре-Четыре уже привыкли к моим приходам и уходам. Хотя с каждым разом помогали все неохотнее. Я их не винил. Морок намертво въелся в меня и перedelывал день за днем. Поменялись кожа, глаза. Наверное, теперь всякий мог учуять во мне отраву Морока. Дрянной расклад.

Спрятались все три луны, свет лился только сквозь трещины в небе, сияющие раскаленной бронзой. После дождя я вытащил на веранду стул, сел и откинулся на спинку, обозревая то, что прежде казалось ужасом, а нынче, как ни странно, сделалось домом. Я уже и забыл, когда разговаривал с живыми. Трудно замечать смену месяцев, если вокруг одна и та же удушливая жара, над головой – воющее небо. А до Валенграда далеко. Я, наверное, полгода не покидал Морока. То, как на меня посматривали гражданские, не добавляло охоты возвращаться.

Вдалеке на небе виднелся темный след. Судя по тому, как медленно он полз, до летающей твари было несколько лиг.

Может, их тут двое или трое?

Нет, вряд ли.

В особенности тоскливо и одиноко становилось вечерами. Поначалу, когда я еще часто ходил в город, то приносил оттуда книги. Увы, оставленные во Всегдашнем доме, они пропадали. А спрятанные снаружи забирал Морок. Таскать же с собой кучу бумаги не имело смысла. Так что в итоге у меня сохранились лишь два томика с плотно напечатанными мелкими буквами. Дантри посчитал их незаменимыми для нашего плана, для приготовлений к неизбежно грядущему. Этот план мы сварганили спешно, за два-три дня, после того как маршал Давандейн вернула себе Валенград. Первый томик – инструкция по плетению света, второй – учебник по высшей математике. В обоих материал излагался тускло, нудно и крайне невнятно. Но зато попытки понять логику и смысл, при моем-то невежестве, заменяли долгими вечерами решение головоломок. Я читал и перечитывал эти томики, и, в конце концов, выучил их наизусть. Хотя вряд ли докопался до сути. К тому же книг явно было недостаточно. Я так и не уяснил, что мне, в точности, следует делать.

Я снова полистал измызганные страницы, но не смог сосредоточиться и поймал себя на том, что бессмысленно пялюсь на небесные трещины, будто в их тусклых контурах прячется решение.

– Опять думаешь про нее? – осведомилась Ненн.

Она уселась и взгромоздила ноги на ограждение веранды.

Беззвучно.

– Кажется, ты думаешь, что это так, – указал я, – а значит, я либо действительно думаю о ней, либо у меня появилась мысль о ней подумать.

– И какой толк думать про мертвых?

– От тебя такое слышать в особенности круто, – заметил я.

Призрачная Ненн призрачно ухмыльнулась, показав призрачно-белые зубы. Ха, у настоящей Ненн они были бы черными как смоль.

– Но ведь к этому все и сводится, разве нет? Кругом призраки. И ты, и она, пойманная светом. Даже само место – призрак ярости Вороньей лапы.

– У-у, гребаный поэт, – буркнула Ненн.

Она встала, потянулась и зевнула. Рот раскрылся слишком широко. Живая кожа лопнула бы, и челюсть бы вывихнулась. Я уже не обращал внимания на подобные мелочи. Привык.

Ненн громко пукнула.

– Живой ты нравилась мне гораздо больше, – усмехнулся я.

Ненн не обиделась. Призракам наплевать.

– Ты вообще перестанешь сохнуть по ней?

– Несправедливо, – упрямо буркнул я. – Эзабет спасла всех и умерла за нас. Она заслужила жизнь.

– Ох, небеса. И это говорит тот, кто махал мечом и стрелял направо и налево. Когда вокруг трупы, чума, гангрена, клятая Машина и хреновы Глубинные короли, железо и ме-

сиво,дохнут все подряд – как знать, кто заслужил, а кто нет. Тебе и самому, по большому счету, наплевать.

Ну, тут не поспоришь. Даже драджи, которых я заманил в ловушку, или их предки, когда-то были людьми. Они не виноваты в том, что помечены, извращены Королями. Может, недавно истребленные мной драджи были такими же зелеными юнцами, как те, кого я погубил при отступлении из Ад-рогорска. Такими же, как те, кому я приказал стоять на стенах Валенграда, позже разнесенных в пыль Шавадой. Нелзя ненавидеть драджей за то, какими они стали. Драджи, в общем-то, похожи на нас. И достойны жить. Но, клянусь, я перебил бы целую драджевую империю, если бы это помогло вернуть Эзабет.

Интересно, что бы она подумала, глянув на меня нынешнего? Эх. Я и прежним-то не всегда ей нравился. А последний десяток лет уж точно не пошел на пользу моей внешности.

– Отстань, – попросил я Ненн, как и в прошлый раз, когда она пришла посидеть со мной. Любопытно: Ненн могла находиться на веранде, но не смела зайти в коттедж. Никакое создание Морока не могло попасть во Всегдашний дом. Он был надежной защитой и от джиллингов, хотя те давно не появлялись. Созданиям Морока дом казался чужим.

Пришла и отступила ночь. Утро принесло туман, и я остался в доме, пока не прояснилось. Туман – всегда скверно, но в Мороке он особенно опасен. Есть твари, обитаю-

щие только в тумане. Непонятно, куда они потом деваются. С этими тварями лучше не связываться. Быть съеденным – еще не самое худшее, что может случиться.

Лишь когда взошло солнце вместе с двумя лунами, золотой Эалой и холодно-голубой Кладой, я отправился на охоту. Встал на колени и приложил ладонь к песку. Морок нашептал мне свои секреты, и я пошагал туда, где был должен находиться север. Теперь Морок постоянно подсказывал, куда идти и где охотиться. Я уже и не помнил, когда началось наше странное общение и Морок перестал ненавидеть меня. Он забрался в мои жилы и десны, а если я расслаблялся, лез и в мысли. Ему не нравилась моя цель, не нравилось то, что человек не торопился окончательно слиться с ним. Но я очень долго барахтался в его объятиях, и отравы прекратила вредить мне. Мы не соединились, но сосуществовали. Ему я импонировал не больше, чем сквемы и дульчеры. Был для него всего лишь вещью – но вещью понимающей, и это, по-видимому, являлось важным. Драджи называли меня Сыном Морока. И, в общем-то, не ошибались.

Я вернулся к месту вчерашней засады, и оно оказалось уже не за дюнами, а перед ними, и вполовину ближе. Озеро смолы превратилось в дымящийся, пузырящийся ручей вязкой жижи, текущий через дорогу. Мне пришлось оттопать две мили, чтобы обойти его. Тела драджей-солдат и их тварей исчезли, пожранные тем, что обитало под зарослями стеклянной травы. Но меня интересовали не они, а навигатор, –

вернее те, кого привлекли его останки.

Среди обглоданных до белизны костей дремала пара раздувшихся личинок с паучьими ногами. Я не знал, как они называются. Возможно, только эти двое и существовали во всем Мороке. Личинки разгрызли завязки доспехов и отодрали пластины – так рыбак снимает крабовый панцирь, чтобы добраться до мягкого белого мяса. Твари не жились под послеполуденным солнцем, их чудовищно разбухшие животы обвисли.

Я решил назвать тварей утилизаторами.

Наевшиеся до бесчувствия, они не заметили моего приближения. Но даже если бы и заметили, то, набухшие, все равно не смогли бы удрать. Я отрубил то, что посчитал головами, туловища увязал, закинул за спину и отправился домой.

Через несколько миль, будто очередную насмешку, я встречал поднимающуюся из песка, ничем не поддерживаемую лестницу с каменной аркой наверху. Вместо неба в арке виднелась чернота. Я не в первый раз наткнулся на черные ворота. В последние месяцы они появлялись часто. Морок ясно намекал: поднимись и ступи в темноту за аркой.

Я держался подальше от лестниц. Морок не был мне другом, и доверять ему не стоило.

Вернувшись к Всегдашнему дому, я уселся и принялся свежевать тварей. Ненн молча глядела на меня. А с началом моей трапезы исчезла.

Потом пришли кошмары, такие яркие и впечатляющие, что я бы перенес их на холст, если бы умел рисовать. Я видел мир до пришествия Глубинных королей, до того, как Воронья лапа отогнал их армии, выпустив Сердце Пустоты. Поля расцветчивали чудесную землю зеленую, золотом и медью. Колыхались спелые колосья, под тяжестью плодов гнулись ветви олив. Летом сияло жаркое солнце, весной обильно лили дожди. Князья и королевы, владеющие этой землей, не были святыми. Но они отчаянно дрались, когда Глубинные короли пришли топтать хлеба и жечь оливковые рощи. А после того как князья и королевы сделали все, что смогли, Воронья лапа в отчаянии выпустил Сердце Пустоты. Испуганные дети, оторвавшись от уроков или работы, смотрели на змеящиеся по небу трещины. Высвободившаяся мощь разорвала землю, смяла саму ткань мироздания. Плавилась леса, рушились башни. Пшеница шипела, плевалась, выпускала облака ядовитого дыма, псы сливались с хозяевами и превращались в нечто не похожее ни на тех, ни на других – если везло. Я видел, как надвигающиеся драджи пялились в небо, а там дрожали, слепли луны. Небеса завывали, и драджей разметало, исказило, уничтожило. Я прочувствовал тысячи жутких смертей.

Утром мое тело ныло от боли. Впрочем, к боли мне было не привыкать. Я подполз к бочке с водой и попытался смыть грязь и отраву, но они, как и всегда, не хотели уходить. Затвердевшая кожа блестела от пота даже на пальцах, отсвечи-

вала полированной медью. Мои ногти уже давно стали черными. Я забрался в угол, завернулся в одеяло, уткнул голову в колени. И не заплакал. Я никогда не плакал. Чтобы плакать, нужно жалеть и тосковать, а во мне не осталось ни жалости, ни сожаления.

Только сухая упрямая злость и жажда мести.

Глава 3

Придется вернуться на Границу. У меня закончились пули, порох и ружейное масло. Дождь после Вороньего моря проливался каждые одиннадцать дней – ровно, уже в течение трех лет.

Тогда сотряслась земля, разорвалось небо и все изменилось.

Никто в точности не знает, отчего случился Вороний мор, но у меня есть предположения. Мы оказались не в эпицентре, где бы он ни находился, это уж точно. Нас задело краем: слегка потрясло да полило черным дождем. День Мора начался как обычно, а затем наступило безумие. Оно царило многие дни. Цвета мерцали и смешивались, ледяная вода выкипала, кипяткок превращался в лед, с неба падали птицы, деревья вдруг пышно расцветали, а после превращались в иссохшие пустые скорлупы. Утратилась связь между причиной и следствием, и каждый шаг мог внезапно все изменить. Проповедники конца, издавна предрекавшие гибель мира, наслаждались своей правотой лишь одни сумасшедшие сутки. А потом их настигло разочарование.

Мир не вернулся к нормальности, но успокоился, пришел в равновесие. Гуси остались, пусть измененные, но исчезли вороны. А из темноты выползли новые, прежде невиданные твари, чтобы кусать, злить, донимать. Потому я и решился.

Наш с Малдоном и Дантри план был опасным и даже глупым. Но мир кривился и гнулся, реальность комкалась и со скрежетом раздиралась. Следовало сделать хоть что-то, в последний раз кинуть кости, поставив на кон все. Мы поклялись друг другу не сворачивать с пути и принялись за дело.

По-хорошему, до Границы было три недели верхом, но я мог дойти за шесть дней. Морок помогал мне – конечно, за определенную цену. Время и расстояние вихрились и смешивались, будто капли крови в воде. Я выучил настроения и повадки Морока, переходы и изменчивые протоки между островками здешней реальности. Но использовать Морок значило тратить его скудный запас, накопленный в моем теле, – так нищий прячет под ветхим полом жалкие сбереженные гроши.

Я не ушел назавтра.

Медлил.

Жизнь текла привычно: я бродил по пескам и солонцам, по всему, что подсовывал Морок, находил всяких тварей, убивал их и брал нужное. Драджи мне больше не встречались, но дважды появлялись лестницы с темной аркой наверху. Я смотрел на них, и уже в который раз мое любопытство настойчиво подталкивало разум. А вдруг там что-нибудь чертовски нужное и важное?

Потому я, по обыкновению, не стал к ним приближаться.

Единственной найденной во Всегдашнем доме роскошью была одинокая, кое-как скрученная сигарка. Наверное, хо-

зьяин бросил ее, не докрутив, и выбежал наружу, к гибели, когда раскололось небо и мир сожгло хаосом.

Цигарка зашла между досками пола. Вытаскивать ее было сущей пыткой, но я почти каждый день терпеливо добывал свой кусочек радости. Прикуривал от плиты, выходил на крыльцо и садился слушать небо. Сегодня оно сделалось красно-черным, густым как смола. Раньше завывание казалось хаотичным, но, привыкнув, я стал замечать некоторый ритм. Конечно, красотой звук не отличался, но послушать его все же стоило.

Наверное.

Вот за этим-то глубокомысленным занятием я и заметил крохотное пятнышко на горизонте. Подался вперед, прищурился, вглядываясь в багровое зарево.

Человек. Или человекоподобный. Твари Морока иногда принимают людские обличья. Призраки – отпечатки живой памяти. Джиллинги – уродливые пародии на человеческих детей. Выюнцы – словно лишенные костей тощие люди, ковыляющие по дюнам на гибких ногах. Даже исполинские окаменевшие тела бегемотов отдаленно напоминают наши. Но этот слишком уж походил на человека, на одинокого всадника. Солдат? Путешественник?

Ни один нормальный человек не смог бы забраться так далеко в Морок, во тьму, где обитает ужас.

Я неторопливо вытащил мушкет, зарядил последней пулей, поджег запальный шнур и прикинул расстояние. Можно

не торопиться. Он сам подойдет ко мне. Больше тут искать нечего.

Я взвел курок, глянул в окуляр прицела. Закрутились шкалы, линзы повернулись как надо, и мир в глазке стал резким, отчетливым. Морок сделал медной мою кожу, черными вены, но и подарил изумительно острое зрение. Увы, всадник был чужим Мороку. Его несчастный мул едва брел, то и дело спотыкался, а идти сам всадник вряд ли бы смог. Он потерял ступню, вместо руки свисали ошметки рукава. Сидел прищелец сгорбившись, уткнув подбородок в грудь. Лица не разглядеть, видна лишь лысеющая макушка в обрамлении грязных темно-рыжих волос.

Я прицелился ему в грудь.

Но ведь последняя пуля. Жалко тратить. А вдруг это потерявшийся солдат, или скаут, или еще какой несчастный, отбившийся от своего отряда?

Впрочем, несчастный мог оказаться и чудовищем, клубком острых клыков и ярости, выпрыгивающим из обманной оболочки, или чем-то взрывающимся, или любой другой дрянью.

Мой палец сдвинулся к спусковому крючку. Вышибить тварь из моего Морока? Даже если он и человек, здесь нет еды для него, и не с чем отправить его обратно к Границе. Я-то могу питаться тем, что нахожу здесь, но к этому пришлось долго приспособливаться. Больше так никто не сумеет. Лучше уж послать парня в причитающийся по вере ад и

закрывать тему.

Впрочем, выходило нехорошо: бедняга пережил самую скверную дрянь в Мороке и напоследок, из лучших побуждений, получит в лоб кусок свинца. Да, он оставил Мороку руку и ногу, но Всегдашний дом может сохранить ему жизнь. Ну, конечно, не слишком надолго. Вряд ли парень уживется со мной и всем, что теперь во мне.

Я спокойно взял чужака на мушку. Вот, уже близко. С моим прицелом пулю уложу точно в сердце.

– А, гребаное дерьмо. – Я затушил фитиль.

Отставил мушкет, вынул из ножен клинки и разложил на столе. Лучше не тратить пулю зря.

А когда мул подошел ближе, я с некоторой тревогой – такая, наверное, бывает у палача, если кровь забивает сток, – понял, что знаю приехавшего ко мне. Хотя «знаю» тут явное преувеличение. Скорее – узнаю тело.

Всаднику оставалось с десятков ярдов до дома, и я вышел ему навстречу. Мул был слеп и едва переставлял ноги. Он настолько ослаб, что даже не испугался, когда я приблизился и вынул человека из седла.

– Не внутрь, – прохрипел всадник. – Не в дом!

На лице его запеклась корка из пыли и крови. Морок скверно обошелся с ним.

– Недостаточно изысканно для тебе подобных? – подколот я.

– Просто не мое, – ответил он без улыбки.

В списке тех, кого я мог бы вообразить на спине этого мула, Отто Линдрик, безусловно, занимал последнее место. Вернее, то, что выглядело Отто Линдриком.

Нолл. Чертов Безымянный, одинокий и окровавленный, на измученном муле посреди Морока. Нолл, построивший Машину, обороняющую Границу. Я видел, какую мощь исторгла эта Машина. Я видел, как ее строитель глубоко под Цитаделью разбирал на части, исторгал из бытия бога. Нолл мог пользоваться множеством тел. То, в котором он находился теперь, изрядно потрепало. Во Всегдашнем доме обычно не бывает гостей. И уж тем более Безымянных.

Я принес воды из бочки. Бессмертный или нет, ко мне он явился измученным и страждущим. Судя по одежде, Нолл попал под черный дождь, а от него приходится несладко и великим колдунам.

Я уложил Линдрика в кресло-качалку на веранде.

– М-да, не ждал гостей. Тут все ни к черту.

– Дороги тут ни к черту, – заметил Линдрик и показал мне изжеванный остаток руки. – Так заявил ублюдок-джиллинг, разбудивший меня. Гадкие тварюги.

– Да, малоприятные, – согласился я, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

Я принес одеяло: изуродованное тело Нолла умирало, а умирающих надо хотя бы укрывать. Впрочем, сам-то он не умирал, когда гибли его тела. Однажды подручный Нолла истыкал одно из таких тел ножиком для фруктов. Новое яви-

лось чуть ли не назавтра.

– Я долго искал тебя, – сказал Линдрик-Нолл. – Никто не хотел говорить, где ты.

– Они не знали. Но, прости, у кого ты спрашивал обо мне?

– У типов вроде тебя, пьяниц и отщепенцев. Еще у маршала Границы. Я даже пробовал сунуться к твоим коллегам, капитанам «Черных крыльев». Правда, их маловато осталось.

Он пил – и проливал больше, чем глотал. Глаза его налились кровью. Нолла явно терзала боль. Но я напомнил себе, что это тело – обман, и боль тоже.

– Ты мог бы спросить Воронью лапу. Он-то всегда знает, где я.

Глаза Нолла оживились, заблестели. У старого волка еще сохранились прежние хитрость и злоба. И нечеловеческая, древняя и сильная сущность.

– Он не знает. И тебе это известно. Ты запрятался глубоко во тьме, а Лапа уже не тот, что раньше. Мы все уже не те.

Я не получал вестей от хозяина с самого Вороньего моря. В общем-то, ничего необычного. Он и прежде подолгу пропадал. Но сейчас все было по-новому. Черный дождь приносил кошмары, и в них я видел всякое. И просыпался в холодном поту.

– Как ты отыскал меня?

– Постарался мой капитан, Зима.

– Не слышал о нем.

– Само собой, – кивнул Линдрик. – Мои агенты не красу-

ются перед всеми, как твои «Черные крылья». Воронья лапа никогда не понимал преимуществ утонченности.

Утонченности, ха. И это у Нолла, типа, соорудившего гряды жутких уродин из камня и стали вдоль Границы, построившего Машину, способную разом убивать сотни тысяч.

– Знаешь, Галхэрроу, ты скверно выглядишь, – заметил Нолл. – Причем даже в сравнении со мной.

Я встал, прислонился к столбу, посмотрел на Морок, где шевелился, перетекал с места на место песок. Под ним двигалась здоровенная тварь. Морок не хотел пускать Нолла ко мне. Хотя, возможно, я приписывал Мороку чрезмерную разумность. Он всем мешал добраться куда бы то ни было.

– Зачем ты пришел?

– Тебя ищет Воронья лапа. Наши дела плохи после Мора.

Нолл покашлял в кулак. Звук был такой, будто в легких катался мокрый щебень.

– Вороньего мора?

– Зови как угодно. Но если ты думаешь, что прежде Глубинные короли воевали с нами по-настоящему, то очень глубоко заблуждаешься. Галхэрроу, наши дела совсем никудышные. Мы на последнем издыхании.

– Вы, Безымянные, на издыхании обычно творите то, отчего худо всем смертным в округе. И что на этот раз задумал Воронья лапа?

Я говорил без особой злобы, без злобы же слушал и Нолл. Так, спокойный обмен мнениями.

Нолл согнулся в приступе кашля. А когда разогнулся, на руке его я увидел красные брызги. Тело умирало.

– Что обычно делает Воронья лапа, попадая в переплет? Бьет лоб в лоб, с тактом и изяществом стенобойного тарана. Уверен, он готовит новое оружие.

– Но как же так? Ты, всемогущий Безымянный, и не знаешь. Вы не делитесь новостями друг с другом?

– Э-э, смертные, – с отвращением выговорил Нолл. – Слишком сосредоточены на себе и не видите дальше своего носа. Посмотри на меня.

Я посмотрел. Зрелище было не ахти.

– Мор меня уничтожил. Это мое воплощение жило на южном побережье, продавало скамейки для рыбацких лодок. Имелась и еще тысяча тел по всему миру. А теперь? Меньше двух десятков. Я даже не представляю, сколько осталось меня, что уж говорить о замыслах Вороньей лапы. Кто знает, где он и как выжил.

– В день Вороньего моря вы дрались с Глубинными королями, чтобы не позволить разбудить и поднять на поверхность Спящего?

Глубинные короли давно пытались вызвать из океанских глубин Спящего – демона еще древней и страшней, чем они сами, – чтобы затопить мир. В попытке остановить королей Безымянные отправились в далекое место силы, в мир льда и пронзительного ветра. Я узнал об этом мире из краткого видения, посланного мне господином, но успел ощутить жут-

кую мощь, живущую подо льдом.

– Может быть. Понимаешь, моя память вся в дырах, – пожаловался Нолл. – Такая истрепанная, что куски ее отваливаются и теряются. Ты почти стерт из воспоминаний, Галхэрроу. Я знаю только, что мы использовали тебя как приманку в игре с Машиной, и это сработало. Увы, мне пришлось иметь дело со смертными. А в итоге мы не справились. Грядут Глубинные короли.

– Ты бредишь, – тихо сказал я. – Если бы Спящий проснулся, здесь стоял бы стофутный слой воды.

– Верно, – согласился Нолл и попробовал улыбнуться, но мышцы уже плохо слушались его. – Ха-ха, да, мы дрались с королями. Но лишь сдержали их. На время. Глубинный король Акрадий заключил сделку со Спящим. Он забрал малую толику силы океанских глубин, которую смог высвободить, и взамен отдался Спящему. Мощь в обмен на свободу. Акрадий переродился в новую сущность, сделался сильнее любого короля или Безымянного. Мы не знаем, почему и как, но другие короли воевали с ним, и ему потребовалось для победы целых три года. Филон, Нексор, Иддин – все они стали его вассалами. Акрадий теперь величает себя императором.

А я-то думал, что драдж зовет так своего хозяина из высокомерия и тщеславия. Мать честная. Ну и новости.

– Глубинный император, – задумчиво произнес я. – И он сейчас, конечно же, идет на нас?

– Разумеется. Мы разбиты. А с мощью Спящего Акрадию
нипочем и Машина.

Мы немного посидели молча, затем я пошел в дом, выковырял сигарку из щели между половицами, раскурил ее от плиты, съел мясо из супа, вышел наружу и устроился рядом с кашляющим и хрипящим телом Нолла.

– Ты умираешь? – поинтересовался я.

– Это тело... оно знавало и лучшие дни...

– Ты понимаешь, что я имею в виду. Не это тело, а настоящий Нолл – где бы он, мать твою, ни был.

– Мы все приходим и уходим. Некоторые приходят надолго. Даже очень...

Он закашлялся. Казалось, в его груди, в пустоте, ребра бьются друг о друга. Хотя, может, так оно и было.

– Ты боишься? – спросил я.

Нолл прищурился, посмотрел на меня. В налитых кровью глазах заплескалась ярость – чужая, древняя, сжигающая дотла. Жалкий смертный посмел спросить бога о его божественной смерти. Но теперь Нолл уж точно умирал. Я никогда не видел его таким.

– Могу уйти, оставить тебя одного.

Нолл уставился на меня, затем опустил взгляд, отвернулся – смущенный, разозленный. Испуганный.

– Не надо, – попросил он.

Я докурил и швырнул окурок на песок. Дым медленно клубился в душном воздухе, не хотел подниматься.

– Сейчас хоть что-нибудь может остановить Акрадия?

– У Вороньей лапы есть план, но сработает ли он, не знают даже святые духи.

Нолл глянул на расколотое небо, на разбегающуюся во все стороны паутину трещин, сияющих раскаленной бронзой.

– Но если и сработает... знаешь, Галхэрроу, мне тревожно за этот мир. Я долго жил в нем. И теперь ухожу. Но, надеюсь, мир побудет еще немного.

– А он стоит того? – буркнул я, не подумав.

Как-то вырвалось само собой.

– Ну да, тут холодно и одиноко, – согласился Нолл. – Но ты почему-то прячешься шесть лет в Мороке. Кого-то ты, кажется, даже любил. Можешь сколько угодно изображать старого прожженного циника, но я-то знаю, какая ты мягкотелая сопля и чего добиваешься. Воронья лапа не знает, а я знаю.

Меня взяла ярость. Вот же подышающее дерьмо! Куда ж ты, сволочь, лезешь? Ну погоди, один тычок железом, и ...

Нет, разожми пальцы. Убивать умирающего, да еще Нолла... м-да. Как-то отвыкаешь со временем терпеть такое.

– Ты ничего не понимаешь, – процедил я.

– Мне известна цель Дантри Танза, – небрежно отметил Нолл. – Я разузнал, что он исследовал для тебя и зачем ты поручил ему уничтожить мануфактуры фоса. Потихоньку я реконструировал твой план. Конечно, план совершенно безумный, но оттого и гениальный. Танза мог бы стать зна-

менитейшим ученым во всех княжествах, если бы, разумеется, все князья Дортмарка не хотели поймать и повесить его. Дерзкий план, да.

– А он сработает? – уточнил я.

– Ни в коем случае. С чего бы? Даже начинать не имеет смысла, – заверил Нолл и, влажно всхлипывая, рассмеялся.

– А, так ты желаешь мне удачи.

– Знаешь, я очень долго не был человеком и уже с трудом представляю, как и что у вас происходит. Может, потому считаю: в нынешней игре ставить на человечность правильнее всего. Ты можешь сделаться наковальней, но если не останешься человеком...

В этом весь Нолл. Загадки, полуправда. Чего еще ожидать от него?

Нолл перестал хрипеть. Полежал совсем тихо, затем широко открыл глаза. Рука метнулась – схватить меня за запястье, но пальцы не смогли прикоснуться к моей коже, будто уткнулись в прозрачную стену. Магия наших тел не хотела соединяться.

– Оружие Вороньей лапы – наш последний шанс выжить. Но я бы не доверял твоему хозяину, – прошипел Нолл.

Он вдруг словно проткнул меня взглядом – попал в самое сердце и прочел все, что там пряталось.

– Оружие, хм, – смущенно буркнул я и отвернулся. – Гляди, вот они, последствия опыта Вороньей лапы по части оружия. А еще есть кучи кратеров – последствия твоего опыта

по той же части. И чем кончится на этот раз?

Нолл не ответил. Воздух с хрипом и свистом выходил из его легких.

– Что с тобой случилось? – спросил я.

– Галхэрроу, дождь все помнит. У дождя и узнай, – про-
сипел Нолл.

Его тело внезапно обмякло, словно жизнь в один момент вытекла из него. Осталась пустая вялая марионетка, покинутая кукловодом. Да уж, подходящий образ для нашего Нолла.

Я натянул одеяло ему на голову. Труп придется сжечь. Неразумно оставлять тело Безымянного тварям Морока.

Потом я встал, расправил плечи. Ворон зовет, время откликаться на зов.

Слишком долго я бродил по пустыне. Пора возвращаться к людям.

Глава 4

Люди – существа исполинской духовной мощи. Они не только приспосабливаются ко всему, но и умеют на этом зарабатывать.

Город, который не должен был существовать, угнездили между станциями Четыре-Четыре и Четыре-Пять. Летом с востока шел теплый воздух, и в городе воняло Мороком. Зимой все обрастало зеленоватым льдом. С годами Морок подползал ближе. Если бы жители города имели хоть толику здравого смысла, они бы поспешили откочевать на запад и поискать место получше. Но времена повсюду наступили нелегкие, и здешний люд приспособился. Здешний люд вообще был особой породы.

Я подъехал по торговой дороге с запада, чтобы не подумали, будто я появился из Морока. Два десятка домишек, окруженных палисадом, без прочих укреплений, – вот и весь Фортуна-таун. Официально его не существовало.

Между гаданием и предвещанием бед – граница тонкая. И то, и другое запрещали и на станциях, и в Валенграде. Поэтому гадалки и провидцы селились между станциями. Солдаты – народ суеверный, и в трущобах процветали торговля куриными потрохами, карточные гадания и толкование снов.

Я шел по разбитому проселку. Одинокая сторожевая башня пустовала, никого не оказалось и у палисада, хотя уже

смеркалось, а у Границы бродили твари, которых вряд ли стоило пускать на подворье. Наверное, здесь привыкли к безопасности, но после Вороньего мора кое-кому из обитателей Морока не сиделось дома.

Ярдах в пятидесяти от ворот меня скрутил приступ кашля. Сложившись чуть ли не вдвое – в глотку мне будто загнали нож, – я мучительно перхал, дрожал и наконец выхаркнул плотный сгусток черного липкого дерьма, вязкого и тяжелого, словно битум. Завоняло кислой химией, отравой Морока. Дерьмо пузырилось, дергалось в пыли, точно желало залезть обратно.

Я вытер рот ладонью. Вот же дрянь.

Мою внешность особо не замаскируешь, но я сделал все возможное перед визитом в городишко: прикрылся капюшоном, постарался спрятать руки. Конечно, ночь помогает скрытности, но лучше не рисковать. Здесь бывают солдаты, а я давно уже не в лучших отношениях с Цитаделью.

Ночь для затерянного местечка была оживленная. Гадание чудесно сочетается с сопредельными промыслами: это и пивные, где можно залить огорчение от скверного предсказания или обмыть хорошее, и дома терпимости, чтобы повеселиться напоследок, и даже храмы духов милосердия и утешения. Фортуна-таун магнитом стягивал солдат из ближайших станций, и по единственной улице бродили люди с кружкой пива в одной руке и сертификатом доброй удачи в другой. Сияли фос-огнем яркие вывески, предлагающие

услуги по чтению грядущего или забвению узнанного.

– Посмотрю будущее всего за десять марок, – позвала меня старуха из узкого прохода. – Читаю по небу, имею университетский диплом, предсказанное точь-в-точь сбывается. Проверь судьбу перед тем, как идти к ней!

Морщины вокруг глаз, морщинистые иссохшие руки, а одета в яркие шелка, на пальцах сверкают самоцветы. Гадание всегда было прибыльным делом – те, кто отправлялся рисковать жизнью, не жалели денег за толику уверенности. Я не больно-то верил в гадания. Строил свою судьбу сам. Уж вряд ли она записана в линиях на ладони.

Впрочем, вплоть до Пограничья, вряд ли отыщешь городок веселее. Я таких мало встречал. Надо думать, хороших предсказаний тут выдавали гораздо больше, чем скверных. Несчастный клиент – уже не клиент. А по мне, любого шарлатана можно простить, если он делает жизнь хоть малость радостнее. Местный народ старался на совесть.

Недаром Тнота решил поселиться здесь.

Из домов доносились пьяные голоса, смех. Впрочем, смех звучал немного натужно и фальшиво. Полагаю, не всем удастся веселиться от души, когда над головой такое небо. Всю дорогу до дома Тноты я шел пригнувшись, не вынимая рук из карманов.

Дом был приличных размеров, покрупнее других жилых, но, конечно, поменьше, чем таверны и бордели. Однако даже в темноте виднелись признаки разорения. Хмурясь, я глядел

на маленький садик. Я сам его вскапывал, а теперь он зарос дурной травой. На окнах лежал слой пыли Морока, все перепачкалось песком и землей. Тнота никогда особо не заботился о жилище, но я думал, что хоть Гиральт благотворно повлияет на старого распутника.

Похоже, времена изменились. Если и на этом фронте беспорядок, я могу пожалеть о своем визите. Мне казалось, Тнота наконец отыскал для себя хорошее место – здесь, на самом краю расколотого неба, на границе ада.

Я торопливо постучал в дверь – трижды. Ждать не пришлось.

Возраст быстро догнал Тноту, и за пригоршню лет превратил в старика. Вроде ему шел уже шестой десяток. Гражданских я знал и постарше, а вот навигаторов – нет. Оставшиеся на макушке волосы побелели, и хотя темная фраканская кожа по-прежнему оставалась гладкой, годы пьянства взяли свое.

Он был навеселе, из-под расстегнутой рубахи свисало объемистое дряблое брюхо. Тнота держал кувшин и моргал полусонными глазами. Похоже, пить он начал с заката и останавливаться не собирался.

– Рихальт, – выдохнул Тнота, заморгал, будто желая прогнать наваждение, затем шагнул ко мне и обнял, как мог, – единственной рукой, не выпуская кувшина.

Смердел он словно ношенный три недели носок.

– Ох, Рихальт, ну и дела! А я не ждал тебя, не прибрался...

– Разрешишь зайти?

– Конечно, почувствуй себя как дома. Вон кувшинчик в шкафу. Бери, что хочешь. Все мое – твое.

Он уже едва держался на ногах. От пары длинных свечей лился блеклый свет. В доме, как и снаружи, было грязно и неудобно. Будто болотный туман окутал все холодной унылой пеленой. Тнота уселся в кресло. Я думал, он на радостях забросает меня вопросами, но Тнота лишь качался взад-вперед и уныло молчал. Кресло под ним, словно старые ходики, издавало ритмичный скрип.

Я заглянул в шкаф. Почти ничто там не заслуживало названия «еда». Из наименее несъедобного обнаружили только банки с рыбной пастой. Нашлось и несколько кувшинов с пивом, но оно уже не влекло меня так, как в прежние времена. У Тноты не было ничего, что пробудило бы во мне старого демона.

В гостиную я вернулся с пустыми руками. Мой приятель прищурился, будто плохо видел сквозь сумрак.

– Давно не виделись, – заметил я.

– Кто знал, вернешься ли ты, – тоскливо изрек Тнота, посмотрел на мою бороду – в Мороке, кстати, проблемы с брадобреями – и добавил: – Не идет тебе.

– Я всегда возвращаюсь.

– Раньше ты не пропадал так надолго. – Тнота поморщился, словно производил в уме тяжелые вычисления. – Почти шесть месяцев.

– Не может быть, – буркнул я. – Хотя...

В самом деле, я уходил поздней весной, а теперь на пороге стояла зима. Что-то счет времени совсем сбился. И как только мне хватило пуль?

– Гиральт дома?

– Он ушел, – выдавил Тнота.

Ну дела. Бедолага. И с чего бы? Гиральт держал тут большой магазин, продавал снаряжение горнякам. Хороший, добрый человек. С принципами. Он мне нравился. И по возрасту подходил Тноте.

– Далеко ушел?

– Далеко. Сегодня не придет. Совсем...

Я решил больше не расспрашивать. Они прожили вместе три года на самом краю мира, а это очень немало. С Тнотой жить нелегко. Он трусоват и пьет словно жених, не посмевавший сбежать из-под венца. Но Тнота верный и, где-то глубоко внутри, добрый, хороший человек. Как Гиральт. Да что же с ними стряслось?

Ладно, лучше не приставать. Последний друг все-таки. Мне нужно было бы спросить о своем. Но слова застревали в глотке.

Наконец я выдавил:

– Ты слышал про Эзабет? Ее призрак видели?

– Нет.

– Вообще ничего не говорят?

Я заметил в уголках его глаз желтую коросту. Он подсле-

повато поморгал, кивнул, будто силился вытащить воспоминание из глубокого подвала.

– Тут подобные сведения не добудешь. Уж сколько лет – ничего. Если Эзабет и осталась в свете, мне о том не известно. Думаю, она ушла. Наверное, ты хотел услышать вовсе не это?

– А что насчет Амайры? Есть новости?

– Ни слова. Если она и работает на твоего босса, то далеко отсюда. А вот Дантри еще шныряет по окрестностям. Никогда не словят его. Недавно взорвал большую мануфактуру. Наверное, по случайности. Хотя «случалось» у него аж три раза. Так что в случайность тут поверить трудновато.

– Были погибшие? – спросил я.

– Толком не знаю. Может, какие-нибудь «таланты».

Даже воздух в доме пропитался унынием. Казалось, у него есть запах и вкус. Когда я был здесь в последний раз, ярко светили лампы, Гиральт запекал баранью лопатку, с потолочных балок свисали пучки ароматных трав, на столе, прикрытый клетчатым платком, лежал свежий хлеб. А сейчас отсюда словно высосали жизнь и веселье. Гиральт никогда меня не любил, и, честно говоря, понятно почему. С каждой нашей встречей я выглядел все чуднее. К тому же Гиральт подозревал: в мои странные дела замешан и Тнота. А это уж точно его не устраивало. Но ради Тноты Гиральт был учтив и гостеприимен. А я радовался, что они нашли друг друга. Такое многого стоит.

В дверь постучали.

– Ждешь кого-нибудь? – я встал и опустил ладонь на эфес.

Эх, застарелая паранойя. Да кто может знать, что я здесь?

– Наверное, это мальчишка из таверны, взять заказ на завтра, – устало пояснил Тнота. – Или кто-нибудь захотел, чтобы я провел к раскопкам. Сейчас за такое берусь не часто, но ведь надо зарабатывать на жизнь.

Он медленно выбрался из кресла, побрел в прихожую. Я услышал детский голос, всего пару фраз, и Тнота вернулся. Он бессильно опустился в кресло и уставился на пламя свечи, будто уже забыл, кто я и зачем пришел.

Настроение у меня упало ниже мышинного брюха. До чего докатился Тнота. И как угораздило-то? Я жил посреди жуткого дерьма, но мой приятель умудрился влезть еще глубже. Может, это оттого, что рядом с ним был хороший человек, и теперь его нет. А может, и совсем не оттого.

Я знаю, как Пустота забирает людей. Усталость не отпускает, давит, висит чугуном где-то за глазами, и хочется расслабиться, уснуть, умереть. Пусть мир суетится там, за опущенными веками, без тебя. Усталость подталкивает к отчаянным попыткам что-то изменить и тут же шепчет об их бесполезности. Потерянного не вернуть, а бутылка вроде бы помогает забыться на пару часов... Но на самом деле она не помогает, а делает хуже.

Пустота пожирала Тноту, и проблема была не только в пьянстве. Он прижимал уцелевшей рукой кувшин с пивом

к груди, будто ребенка, и, глядя на пламя свечи, беззвучно шевелил губами.

Я встал, подошел к древнему сундуку, открыл, покопался. Старые истертые инструменты, и все.

– С гусями были проблемы? – осведомился я.

Тнота покачал головой. Похоже, гуся его не интересовали. Он снова устался в темноту.

Я закрыл сундук, перешел к платяному шкафу. В первом ящике лежали аккуратно сложенные посудные полотенца. Кто-то здесь создавал уют, гордился его честными чистыми мелочами. Нетронутый кусочек Гиральтова мира.

– Давно ты слышал о Дантри и Малдоне? Получал вести от них?

– С твоего последнего визита – нет, – ответил Тнота так, будто все это не было важным, будто их дела не стоили выеденного яйца.

В других ящиках обнаружили столовое серебро, старая бутылка со снадобьем от всех болезней сразу, тарелки и документы. Тнота молча, с полным безразличием смотрел, как я копаюсь в его вещах.

– Пару месяцев назад приезжали люди из Цитадели, спрашивали о тебе.

– Есть идеи, зачем?

Тнота пожал плечами. Вернее, попытался.

– Наверное, как обычно.

– Пусть Давандейн хоть кипятком обгадится, – съязвил

я. — А ты сегодня неразговорчивый. Я думал, будешь рад меня видеть.

— Ну да, — подтвердил Тнота и приложил кувшин к губам.

Пиво потекло ему на бороду и грудь. Кожа покрылась бирюшками пота. Видал я его и пьяным вдупель, и расстроенным донельзя, но это... Ладно, пусть здоровье ни к черту, но зачем так опускаться?

Я открыл стеклянную дверцу дедовских ходиков. Внизу, под маятником, лежала парочка старых одеял. И под ними что-то шевелилось.

Ага.

— Попался, — объявил я и откинул одеяла.

Вороний мор принес не только дождь. В мир за Мороком выпустили тьму, жуткую, увечающую все, чего она касалась. С неба падали сотни ворон с выжженными глазами, и потому мор прозвали Вороньим. На дальнем юге на целый год пропал оранжевый цвет. Обитатели Пайра почти месяц говорили задом наперед. А у нас объявилась порода плотоядных гусей с клыкастыми клювами, выжиравших целые деревни, пока фермеры их не перебили. Но из всех новых мерзостей, явившихся досаждать миру, самыми мерзкими были «сосуны».

Под одеялами обнаружилось нечто человекоподобное, длиной дюймов восемь, молочно-белое, нескладное, будто наспех вылепленное из глины. Тварюга уставилась на меня. Ее морда жутко напоминала лицо Тноты. Похоже, она нахо-

дилась тут уже давно. Может, с месяц.

Потревоженный «сосун» попытался заползти под одеяло, раззявил пасть и пронзительно заверещал. Я аккуратно взял его за шею. Тварюги были хоть и мелкими, но кусачими.

– Погляди-ка, что здесь.

Обнявший пиво Тнота безразлично смотрел на барахтающуюся мерзость.

– Извини, будет больно, – предупредил я.

Положил «сосуна» на пол, прижал сапогом и надавил на тварюгу всем весом. Хрустнуло – расплющилась грудная клетка, разможился крошечный череп. «Сосун» предсмертно завизжал. Я топнул изо всех сил раз, другой. Слетев с крюка на стене, об пол грохнулась сковородка.

Тнота еще пару секунд безучастно глядел на меня, а потом на него накатило. Вся жизнь, которую оттянул «сосун», волной хлынула назад. Тнота задергался в кресле.

«Сосуны» питались, главным образом, человеческой волей и силой, со временем принимали обличье жертвы, и чем дальше, тем было хуже. Они росли. Я слышал, что в одной тюрьме тварь превратилась в полное подобие человека, хотя обычно их находят и убивают задолго до того. «Сосуны», этот гнусный выкидыш драки Безымянных с Королями, сделались в княжествах настоящей чумой.

Тнота, словно вытасненный из воды, судорожно вдохнул. Согнулся пополам, будто от хорошего тычка в живот. Я спокойно ждал, пока бедняга придет в себя, изображал невоз-

мутимость, но на самом деле очень злился. Я же верил Тноте, полагался на него. Он мог бы и сообразить. Учили же, что искать и чего бояться.

– О мать моя, ох ети меня, Рихальт, у нас проблемы!

– Наши проблемы – вот эта дрянь на полу, – заметил я.

– Да не она!

Тнота быстро дышал, как если бы целый год задышался и только сейчас понял, насколько ему не хватало воздуха. Он моргал, пытался сосредоточиться.

– Гиральт! Его куда-то забрали. С юга явился жуткий ублюдок, искал тебя.

– Меня?

– Ну да. Он притащился с этой тварью и сказал, что, если я хоть пальцем ее трону, мне принесут глаза Гиральта.

Тнота умолк, тряхнул головой, шлепнул себя ладонью по виску, словно хотел выбить из памяти боль.

– Рихальт, тебе надо сматываться. Тот мальчишка приходит каждый день проверять, не здесь ли ты.

Колесики в моем мозгу повернулись и щелкнули.

– А ты должен был задержать меня до их прихода?

Тнота промолчал, но я прочел в его глазах и страх за любимого, и отвращение к себе за предательство друга. Хотя Тноту винить не имело смысла. «Сосун» вытянул из него всю волю к сопротивлению. Я растер подошвой последние ошметки гнусной твари.

– Прости.

– Сколько у меня времени?

– Зависит от того, хочешь ты бежать или драться.

Мне хватило пары секунд, чтобы решить.

– У тебя есть порох? Пули?

– В том же сундуке, где и раньше.

Я принялся разминать пальцы. Они громко захрустели в повисшей тишине.

– Скажи им привести Гиральта. Я буду в «Саве».

Глава 5

Меня всегда тянуло к барам. Я их хорошо изучил и понимал, чего там можно ожидать. Многие бары устроены одинаково, и люди в них, в общем-то, одинаковые. Входы и выходы – тоже. Я прекрасно знал «Однодверного Сава». Свет в нем был слишком ярким, пиво – скверным, и завсегдатаи дружно сваливали около девяти. Ну и хорошо, чем меньше будут путаться под ногами, тем лучше. А лучше всего то, что встреча состоится на почти родной территории.

Бар пустовал. Только слева за стойкой нервный человек полировал медные краники. Я окинул взглядом балкон, шедший по всему периметру. Кажется, чисто. Рот я прикрыл платком, каким обычно защищался от пыли Морока, а на носу моем красовались толстые очки «танталов» с мануфактуры, чтобы янтарный огонь в глазах не слишком пугал окружающих.

– Снаружи сегодня холодно, – пожаловался я. – Мне бы виски.

Мой голос прозвучал грубо и хрипло – будто заскрежетал под ногой песок. Бармен судорожно сглотнул.

– Э-э, да, согревает как ничто другое, – подтвердил он.

У него дрожали руки. Это был Сав, чье имя носило заведение, и он жил здесь от самого основания городка. Сав знал, кто я. Обычно вечерами в его заведении сидела, по меньшей

мере, дюжина копающих в Мороке добытчиков, пугающих друг дружку баснями про дульчеров и выюнцов. Ясное дело, мальчишка-посыльный не держал рот на замке, и новость разлетелась как вонь по ветру. К Саву пришла беда. Отпускные солдатики разбрелись по койкам, копатели залегли глубже серебра, которое пытались отыскать. Не хотели касаться чужой беды. Понятно, на меня охотился крутой тип. Опасный.

Сав налил порцию виски, глянул мне в лицо и налил еще две. Я сунул грязный стакан под платок, вдохнул. Увы. С тех пор, как Морок перекроил меня, пойло уже не действовало прежним образом. Я прочувствовал запах и оставил демона в покое – не стал пить.

В бар зашел рыжий тип, на ходу стряхивающий пыль с длинного плаща. Тип помахал бармену, посмотрел на меня. Я не понравился ему, и он поспешил усесться за стол. М-да, такие, как я, торговле не способствуют.

– Давненько вас не видел, – заметил Сав, державший бутылку наготове. – Будете копать?

Я поставил на стойку непочатый стакан. Пить все равно не стоило, а Сав болтал лишь для успокоения нервов. Он искренне жалел о том, что я заявился именно в его бар.

– Вряд ли буду.

Стакан стоял между нами. В другой бармен налил себе, выпил одним глотком и налил снова, стыдливо косясь на меня. Не то чтобы мы были хорошо знакомы, но за прошедшие

годы Сав не раз и не два выдавал мне пойло. Да меня и вообще не сложно узнать. Я заметно крупнее большинства здешних исхудалых головорезов.

– А чего вы вернулись? Дела? – запинаясь, спросил Сав и посмотрел на мои загрубелые, медного цвета руки.

– Я ищу человека по имени Гиральт. Он держит магазинчик тут, через улицу.

– Гиральта знаю, – бармен криво улыбнулся. – Но не знаю, куда он подевался.

– Лучше бы ему появиться, и поскорее.

Я стянул платок, затем снял очки. Пусть рассмотрит мою кожу цвета меди, черные прожилки отравы под ней, янтарные глаза.

Сав выпятился на меня и, вздрогнув, отпрянул.

– Ох... вот дерьмо-то... бери бутылку и убирайся! Мне не нужны проблемы! Почему здесь? Выбери другое место!

Как убедительно! А руки шарят под стойкой.

Да, у рыжего могло бы и получиться, если бы бармен не глянул мимо меня.

Хотя я бы все равно ощутил движение за спиной и точно так же отшатнулся. Дубинка пролетела мимо моей головы, врезалась в стойку и проломила ее. Когда-то я полагал, будто убийц лучше брать живыми и допрашивать перед тем, как отправить в ад. Давненько это было!

Повернулся я уже с ножом в руке, вогнал лезвие в живот рыжему и оттолкнул его. Убийца понял, что все кончено,

до того, как вломился в стену. Он схватился за распоротую утробу, словно надеялся, запихав кишки обратно, прожить еще несколько часов.

– Духи святые! – прошипел Сав и сунул руку под стойку, к пистолету, с которым прежде возился, стараясь незаметно взвести курок.

Я швырнул нож с разворота. Лезвие врубилось точно под кадык. Сав дернулся и осел на пол.

Что ж, настало время пресловутому аду разверзаться, а мне – искать укрытие.

Я кинулся к барной стойке и нырнул за нее. Распахнулась дверь, в зал шагнул человек с мушкетом и подожженным фитилем. Сквозняк бросил дым от фитиля в лицо вошедшему, он замешкался, и я выдернул из-за пояса пистолет. Силуэт в дверях – отличная мишень. Пистолет рывкнул, и незадачливый убийца вылетел на улицу с дымящейся дырой в груди. Я пригнулся и, чисто рефлекторно, прихватил со стойки бутылку виски. У меня еще один заряженный пистолет и бутылка с изрядной дозой пошла. Жизнь продолжается!

Окна, выходящие на улицу, разбились вдребезги от тяжелых арбалетных стрел, зеркала за стойкой осыпались дождем сверкающих осколков. Бухнули и плюнули свинцом три мушкета. Полетели стеклянные брызги, фос-реклама «Лучшее жаркое» зашипела, исторгла радужные разряды. Конечно, я догадывался, что охотящийся на меня придет не один – но он, похоже, собрал целую роту! Мне до боли захо-

телось отхлебнуть виски. Я посмотрел на бутылку, скривился и отшвырнул ее. Та покатилась, расплескивая содержимое.

Ладно, поиграем. Подарков у меня – на целый батальон.

Я искоса глянул на труп Сава. Бедолага. Я выбрал его заведение только потому, что здесь была всего одна дверь – как и заявлялось в названии. Под стойкой оказались выключатели, к счастью подписанные. Я выключил весь свет, кроме ламп у двери. Добро пожаловать. Вас ждут.

– Галхэрроу! – рывкнули снаружи.

Густой южный акцент, голос сильный, спокойный. Двое уже отдали концы, а главарю хоть бы хны. Я не ответил, но спешно перезарядил пистолет, взял еще и пистолет Сава – прицепил на бандольер. Проверил, легко ли выходит из ножен клинок. Недавно смазанный, он отлично скользил.

Ждем-с.

– Галхэрроу, я знаю, ты там! – крикнул южанин. – В курсе, что тебя окружили, а?

Я молча выдернул нож из глотки бармена, выудил из кармана сигарку. Надо наслаждаться жизнью. А то ведь можно и не успеть.

– Ты напрасно все усложняешь! – заявил голос. – Давай поговорим!

На Границе встречаются всякие акценты и говоры. Граница – пристанище эмигрантов, чужаков, либо достаточно храбрых, либо совсем невезучих. Но этот акцент ни с чем не спутаешь. Пайр, остров далеко на юге, где поселилась Леди

волн и где всегда стоит лето.

– Минуту назад ты не слишком хотел разговаривать! – крикнул я.

Затянулся, и кончик сигарки засветился алым. Эх, дешевая дрянь.

– Тут пара трупов в доказательство тому, – добавил я. – И судя по звукам, скоро их станет еще больше.

Пора двигаться. Темень – хоть глаз выколи, свет только у дверей. Я пригнулся и засеменил к лестнице, ведущей на галерею. Так чудесно красться во тьме, когда в тебе триста фунтов веса. Как бы чего не обвалить. А то все уже перезарядили и прицелились. Того и гляди кто-нибудь выпалит наугад, на звук.

– Энтузиасты-любители, сами лезут под пули, – усмехнулся южанин. – Первый ничего сложнее дубины и не видал. В здешних краях трудно отыскать профессионалов.

– Мне кажется, для разговора выбирают способ попроще! – проорал я.

Отлично, слово за слово, может, и подползем куда надо. Вон там, на галерее, окно как раз в нужную сторону.

– Добиться разговора с тобой – хлопотное дело, – заметил южанин.

Он стоял позади остального сброда – разумный, дальновидный командир. Длинные черные волосы, длинный черный кафтан. Тощий щеголь. И держит за шиворот Тноту.

– Но, видишь ли, твой фраканец у меня, а с ним и лавоч-

ник. Если ты не хочешь получить их языки, отдельно от них самих, давай поговорим.

Связанный Гиральт безнадзорно валялся у стены. Похоже, его всерьез отметилили. Тноте тоже досталось, но поменьше. Надо думать, он не сопротивлялся, когда его волокли наружу. Лишь пара ссадин на лице, да распухла нижняя губа. Переживет. Первый признак недоучек, подрядившихся на дело с кровью, – бить беспомощных. Недоучки знают: будет замес, и, пытаясь доказать себе, что у них получится, они распаляются на чем попроще. Долговязая южная сволочь позволила своим ублюдкам оторваться.

– Ты в ловушке, – выйдя из дощатой стены, предупредила Ненн.

Она перебросила монету из руки в руку. Я моргнул, покачал головой.

– Тебя не должно здесь быть!

– Я никогда не любила правила.

Ненн уронила монету, пожала плечами и выразительно посмотрела на меня. Конечно, она была права, но я не зря выбрал бар Сава. Вряд ли кто-то захочет штурмовать единственную дверь, зная, кто за ней.

Вся банда собралась на улице. Нервная компания. Стрелки, как и следовало ожидать, солдаты со станций, грязные и потрепанные. Арбалетчики похожи на копателей или наемников, охраняющих копателей по пути в Морок и обратно. Разбойная пьянь. Не думаю, что черноволосый много за-

платил им. Они ухватились за обещание легкого заработка, а теперь увидели трупы и распахивались.

Мне нравятся психующие враги.

Ненн надоело раздавать хорошие советы, и она благополучно исчезла. Но откуда ей здесь взяться? Призраки – такая же часть Морока, как песок и скалы. И покинуть Морок они не могут. Или я настолько пропитался им, что стал его частью? Или у меня галлюцинации от перенапряжения и отсутствия выпивки?

Одиннадцать, если не считать южанина. Три мушкета, четыре арбалета, у остальных мечи, кирки и молоты. Никаких доспехов. Видимо, южанин собирал команду впопыхах. Значит, он тут один-одинешенек.

Двенадцать против одного.

Дрянной расклад.

Как правило, я не дерусь, когда у противника явный перевес, не ввязываюсь в безнадежные драки. Ясное дело, нападать одному на дюжину – чистое самоубийство. Но на моей стороне Морок – вернее, его часть внутри меня. И еще кое-что.

Во-первых, я прихватил пару сюрпризов из дома Тноты. А во-вторых, толпа рядом с единственной узкой дверью – отличная мишень.

Я дважды затянулся и приложил сигарку к фитилю. Темноволосый что-то кричал про выходить безоружным, но мне было не до того. Я напевал себе под нос давнюю мелодию,

которую леди Довара играла на виоле. С тех пор будто целая жизнь миновала, но музыка эта осталась со мной. Шипящие фитили оказались неплохим аккомпанементом. Когда они почти догорели, я вышиб ногой окно. Чуткий Тнота мгновенно плюхнулся наземь, а я швырнул гранаты на улицу и прикрыл уши.

Гранаты чертовски громкие. Они производят тучу стремительного железа, дыма и мясных ошметков. Две гранаты производят этого вдвое больше.

Я вернулся с галереи в дом. Снаружи все заволокло белым пороховым дымом и кислой вонью взрывчатого порошка. Пригнувшись, я выскочил на улицу. С шорохом выскользнул из ножен драджевский меч – не деликатный инструмент благородной дуэли, где покалывают и потыкивают, а тесак, рассчитанный на разрубание хребтов.

Я скользил сквозь дым, словно призрак. Бо́льшая часть незадачливых охотников валялась на земле – разорванные на куски либо изувеченные и оглушенные. Какие-то бедолаги выли, прижав ладони к ушам.

Легкая работа. И грубая – бей так, чтобы обездвижить, не дать выстрелить. Отрубай ноги, руки. Не давай лезвию застревать между ребрами или в кишках. Пусть недоумки валяются и воют. Оглохшие, ослепшие в плотном облаке порохового дыма, они не понимали, где друг и где враг. Мне же понимать не требовалось. Просто руби все, что движется. Ошалевший от страха копатель замахнулся топором. Я легко

уклонился и рассек болвана надвое. Солдатка замахнулась сломанным мушкетом как дубиной. Отбив удар, я снес дуре голову.

В драку полезли лишь немногие бандиты, и никто из них драться не умел.

По всей улице жители захлопывали ставни, щелкали задвижками, выключали свет. Зеваки торопились убраться подальше. Мертвые валялись, умирающие пытались шевелиться, подняться, держась за стену, или хотя бы сесть. Но вскоре, один за другим, затихли и они.

Дым рассеялся. На улице остались только я, весь заляпанный кровью, да черноволосый южанин, прятавший глаза за темными стеклами.

Он осмотрел ошметки банды и сказал:

– Надо же. Это Морок сделал тебя таким чудовищем, а?

Затем приставил ствол кремневого пистолета к затылку Тноты. Южанин говорил спокойно, даже равнодушно. Похоже, резня его нисколько не тронула.

Тноту перекосило. Зря боишься, дружище. Твои мозги останутся в голове. Ты сейчас – главный козырь в переговорах. Если бы южанин хотел стрелять, он саданул бы в меня.

По клинку текла кровь. И по руке тоже. Горячая. Моя.

Меня подстрелили? Да, точно, в груди засела арбалетная стрела, а я и не заметил.

Не сводя глаз с южанина, я попытался выдернуть стрелу из левой грудной мышцы. В мерцающем фос-свете кровь на

замызганной, некогда белой рубаше казалась синей. Древко при рывке обломилось. Хм, почти не больно. То ли я настолько взвинтился, то ли это был очередной подарочек Морoka. Он меня приспособил и к своим бурям, и к ядовитым тварям. Такого, поди, прикончи.

Наконечник стрелы неприятно скреб по ребру при каждом движении.

– Морок всех делает чудовищами, – буркнул я. – Ты хочешь что-нибудь сказать напоследок?

И отшвырнул мокрое от крови древко. Южанин спокойно и ловко подхватил его. Я не испугал врага, но заставил задуматься. Стоит ли стрелять? Ведь я не обращаю внимания на засевшее в груди железо. А вдруг я – бессмертный? С одной стороны, после выстрела в голову трудно остаться живым, с другой – кто меня знает. В любом случае, это не будет выстрел в упор, и если я подберусь к нему с мечом, дело примет скверный оборот.

Но какой, однако, щеголь: стройное тело, длинный кафтан сшит точно по фигуре, рубашка кружевная. Темные очки, хотя на дворе стоит ночь. Вьющиеся волосы, смазанные маслом, спадают ниже плеч, на коже – бронзовый загар.

– Ты явился с побережья? – осведомился я. – Неужели с Пайра? Похож на тамошних. И акцент тот самый. Чего же ты хочешь? Учти, прикончить тебя – раз плюнуть. Вон сколько падали на улице. Вряд ли ты притащился из-за личной ненависти ко мне.

Темноволосый молчал – взвешивал шансы. А пистолет у него недешевый, с отличным кремневым замком. И кафтан недешевый, и меч на боку. Профи – все хоть и щегольское, но практичное. Я шел по кругу, он тоже двигался, заслоняясь Тнотой.

– Тяжело тебя выслеживать, – сказал южанин.

– А главное, не слишком разумно, – добавил я и указал на куски мяса, бывшие прежде бойцами незнакомца.

Некоторые куски еще шевелились и стонали, но все тише и слабее.

– Выглядишь будто тварь из Морока. И как же ты сделался таким монстром, а?

Ха, он выжидает. Может, надеется, что я потеряю много крови и боевой настрой, сомлею. Разумно. Профессионально. Однажды драдж всадил мне в печень стрелу. Я ее выдернул. Рана заросла, не осталось и шрама.

– Время меняет всех, и не только снаружи, – равнодушно заметил я. – Мне, например, теперь удастся прочесть чужие мысли.

– В самом деле?

Он повернул Тноту ко мне. Тот упорно смотрел в землю. Молодец, не хочет отвлекать меня, спокойно терпит боль и страх. Хотя, наверное, готов обгадиться от ужаса. Южанину достаточно двинуть пальцем – и конец игре.

Темноволосый отступил на шаг, потянул Тноту за собой.

– Ладно, читатель мыслей. И о чем я сейчас думаю, а?

Я слегка переступил, чтобы удобнее было сорваться с места.

– Во-первых, ты надеешься, что дыра в груди меня замедлит. Но она не замедлит. Во-вторых, думаешь, что успеешь всадить мне пулю в голову, когда я побегу. Ты же так хорошо стреляешь – не видывал стрелка лучше. Ну и как, угадал?

– Все верно, – южанин по-лисьи ухмыльнулся. – Я сшибаю сокола в пике.

Я кивнул, будто обрадовался своей правоте.

– Не сомневаюсь. Но ты видел, что стало с твоими наймитами. Да, ты понимал: они меня лишь остановят. Максимум подранят, если повезет. Но тебя изумила та легкость, с которой я их искрошил. Посмотри на себя. Весь взмок, хоть и держишь в руке пистолет. Ты же надеялся встретить изувеченного отравой пьяницу с полтинником за плечами. А мне плевать на дыру в груди. Ты думаешь – как такое возможно и отчего те сволочи тебя не предупредили.

Темноволосый крепче обхватил Тноту, сжал губы.

– Ну что, это ли в твоей башке?

– Мы сейчас уйдем, а ты останешься здесь.

– Нет, останешься ты, и скажешь, кто послал тебя, – отрезал я. – Отделаешься увечьями. А если ответишь на все вопросы, то, может, даже сохранишь сустав-другой.

Он снял темные очки. Глаза у него были цвета моря, и свет играл в них как набегающая волна. Южанин оглядел мою загрубелую, отливающую металлом шкуру, сверкающие глаза,

черные прожилки, ветвящиеся под кожей, будто обсидиановые нити.

Он не боялся, но тщательно взвешивал шансы. И правда, профессионал. Мне очень хотелось подойти, принять пулю и свернуть ублюдку шею. Но Тнота, бедняга, и так уже страдался.

– Может, тебе спросить хозяина, а? Конечно, если он проснется.

Я скрипнул зубами, стиснул рукоять, стряхнул с лезвия кровь.

– Ты ведь не можешь читать мысли, – продолжил южанин. – Хочешь знать, как я догадался, а?

– Просвети же меня.

– Если бы ты мог, то знал бы про пару моих людей на крыше, – улыбаясь, сообщил он.

Не сумев себя побороть, я скосил глаза в сторону бара. Южанин, разумеется, тут же выставил пистолет над плечом Тноты и начисто снес бы мне голову, если бы Тнота не отпихнул его. Пуля царапнула щеку, распорол ухо. Я уже спокойней посмотрел на крышу и увидел двоих стрелков с мушкетами и дымящимися фитилями. Присел, неуклюже перекатился. Мушкеты рявкнули, возле меня взметнулись фонтаны пыли.

Тнота был уже в безопасности. В движении я выдернул пистолет бармена, прицелился и выстрелил. Увы, соколов в пике мне не сбивать – пуля лишь высадила оконное стекло.

Южанин кинулся к лошади, вскочил в седло и мгновенно исчез в темноте.

И тогда на меня, наконец, накатило. Сердце затрепыхалось в груди, застучала в ушах кровь. Я птицей взлетел на галерею, но стрелявшие, видно, решили не дожидаться проблем и растворились в ночи.

Тнота быстро пришел в себя, развязал Гиральта, и они обнялись так крепко, что, казалось, слились в одно целое. Мне от этой радости не перепало. По сути, именно я чуть не угробил их. Шесть лет в Мороке, а дела мои все еще тянутся за мной и увечат друзей. Нельзя, чтобы друзей увечили. И чтобы они путались под ногами – тоже.

Дальше придется действовать самому.

Глава 6

Я чувствовал себя ребенком, слушающим родительскую перепалку, – из чулана, где Тнота хранил свои псоглавые статуи. Они укоряюще смотрели с полок, как я чистил и приводил в порядок снаряжение. Все, меч идеально остер, пистолеты заряжены и готовы плюнуть свинцом. Осталось довести до ума кинжал. Лезвие скрежетало о точильный камень, но не могло перекрыть летящую из-за двери какофонию ссоры.

– Если бы не он, ничего бы не случилось! – сердился Гиральт. – И ты хочешь, чтобы мы потащились за ним духи знают куда?

– Да не хочу, – устало ответил Тнота. – Но по-другому – никак.

Он освободился от жуткой власти «сосуна», но еще не оправился до конца. Или я попросту не слышал раньше, чтобы он бранился с партнером?

– Да, это место не медом намазано. И жизнь тут никакая. Но здесь мое дело, понимаешь? Ты знаешь, как долго я наскребал гроши в надежде открыть его? Отец бросил мою мать...

– И ей пришлось вычищать жир из котлов на фабрике, – докончил фразу Тнота. – Я знаю, ты мне рассказывал. Много раз.

– Что за тон! – взвился Гиральт.

Я пытался сосредоточиться на кинжале. Лезвие должно быть острым и чистым. Важно знать: если дела в передраге пошли наперекосяк, то это из-за сиюминутных, принятых в горячке решений, а не из-за головотяпства недельной давности. Дыр в шкуре бывает существенно меньше при тщательной подготовке.

Повязка на груди неприятно царапала кожу и вообще бе-сила. Гиральт вырезал из меня наконечник стрелы. Уж не знаю, чем он занимался до карьеры лавочника в Фортуна-тауне, но резать человеческое мясо, без сомнения, умел. Выходил наконечник тяжело и долго. Он погнулся, ударившись о ребра. Мне было больно, но не так, как ожидалось, а нож Гиральта совсем затупился. Воняло из дыры хуже, чем от сточной ямы на жаре. Вот дрянь. Гиральт славно поработал, и рану тревожить не стоило, но все же я не удержался, сдвинул повязку и посмотрел. Ха, почти ничего не осталось. Еще пара часов – и шрам полностью рассосется. Щека, задетая пулей, и порванное ухо уже заросли. Подарки Морока работали исправно.

И тут опять накатило. Я сильно закашлялся, согнулся вдвое, и вверх по глотке полезла гнусная черно-зеленая слизь. Удержать ее не вышло. Она все-таки выхаркнулась наружу, на руку, и я стер мерзость о статую, поглядевшую на меня с укоризной. Конечно, пачкать святых идолов хорошего друга – не слишком-то вежливо, но Тнота все равно бросит их здесь.

– В последний раз говорю: ты ничего ему не должен! – завизжал Гиральт.

Кажется, он выкрикнул «в последний раз» не в первый раз, и даже не в десятый.

– Гир, мы все должны ему, – заметил Тнота.

Он пытался говорить вполголоса, спокойно, чтобы я не расслышал. Получалось не очень.

– Мы должны ему больше, чем ты можешь вообразить. Но дело в другом: если останемся – сдохнем.

– Езжай один! И вообще, делай, что хочешь!

– Ты знаешь, я не уеду без тебя. Но оставаться нам нельзя.

Я протер кинжал маслом, сунул его в ножны за поясом, затем взялся за прочее барахло. По сути, я просто убивал время. Вряд ли возлюбленным понравилось бы мое вмешательство, но поторопиться им все же стоило. Они проспорили всю ночь до рассвета. Наверняка убитые горем родные и близкие погибших, а скорее их кредиторы, уже помчались к начальникам двух ближайших станций. Обычно люди из Цитадели предпочитали не замечать копателей Морока и их базу в Фортуна-тауне. Изрядная доля ценностей, выкопанных в ядовитых пустошах, оказывалась в княжеских карманах и сокровищницах. Но начальство едва ли потерпит бойню у себя под боком, тем более что среди убитых были солдаты, пусть даже и дерьмовые. И пусть инцидент не слишком крупный, всего-то дюжина трупов, но на фоне общей приграничной скуки он не останется незамеченным.

Я надел перевязь с мечами, подвесил пистолеты, собрал прочее снаряжение. Слизь, размазанная по морде Большого пса, уже прожгла дерево, и Большой пес укоризненно глядел одним глазом. Однако жуткая дрянь у меня внутри, не зря все заживает с нечеловеческой быстротой.

Я шагнул в комнату, где Гиральт яростно паялился на смущенного Тноту. Оба, увидев меня, умолкли. А я почувствовал себя посреди драки – не так, как прошлой ночью, но в некотором смысле и погаже.

Я посмотрел на платяной шкаф, кресла, на выемки, оставленные на сиденьях двумя стариками, каждый вечер сидевшими у огня.

– Понимаю, уезжать не хочется, – сказал я Гиральту. – Это твой мир, тебе трудно покинуть его. Но у вас нет выбора.

– Не говори, что у меня есть и чего нет! – крикнул Гиральт. – Ты во всем виноват!

Он побагровел – даже под бородой. Гордый человек. И не военный, и не из «Черных крыльев». Понятно, что я для него – пустое место.

Я выудил из платяного шкафа пыльный графинчик с чем-то янтарным и пару чашек, налил и раздал возлюбленным. Те угрюмо выпили.

– Уезжай, – попросил багровый Гиральт. – И не возвращайся. Я говорил Тноте: он не чета таким, как ты. От тебя одни беды – и ему, и мне. Ты даже на человека не похож.

Он гневно ткнул пальцем в мою сторону и повернулся к

другу:

– Хочешь стать кем-то вроде него? Да?

Тнота беспомощно глянул на меня. Бедолага попал между молотом и наковальней, и молот к нему приближался.

– Оставаться опасно, – напомнил я.

– Сюда придут солдаты, – сказал Гиральт. – На Четыре-Три у меня знакомый командир. Он позаботится о нас – вышлет солдат поймать этого ублюдка. А если тот снова зайдет сюда, просто так не отделается.

Гиральт выставил скулу с багрово-черным синяком. Тнота впился в меня умоляющим взглядом. Да, этот спор никак нельзя проигрывать.

– Тебе не понять, – горько пожаловался Гиральт. – Ты ведь теперь не человек.

– Да, – подтвердил я, прислонившись к шкафу. – Но когда я был человеком, тоже сильно отличался от прочих. Большинство людей хочет жить в безопасности, работать, пить пиво вечерами, строить свое – то, за что стоит держаться. Люди гордятся возможностью жить спокойно. Увы, я и прежде не вписывался в такой мир.

– Ты прав! Твой мир – чужой нам! – буркнул Гиральт.

Он стиснул зубы, презрительно меня оглядел. Я не обиделся – давно смирился с тем, кем стал.

– Да, правда. Но как насчет того ублюдка, который схватил и бил тебя? Который нанял банду, чтобы уничтожить меня, сунул в часы «сосуна», желая сломать твоего любимого?

Гиральт, этот ублюдок – из моего мира. И он вернется за тобой.

Я помолчал. Пусть сказанное дойдет и как следует уляжется. Ходики в гостиной отсчитывали минуты до рассвета.

– В следующий раз может явиться он сам, – продолжил я. – Или его хозяин пришлет кого-нибудь другого. Не важно. А важно то, что они будут думать и действовать одинаково. Потрутся в городе, выяснят: вы имели дело со мной, я уехал и не вернусь. Но ведь всегда есть шанс – невеликий, но есть, – что вы знаете, где я. Они явятся сюда и станут вас допрашивать.

– Зачем нам знать, куда ты поедешь, – возразил Гиральт. – Когда не знаешь, и сказать-то нечего.

Он подошел к Тноте, обнял, давая понять, что злится не на него, что они вместе, а я – их общая проблема. Тноте явно хотелось провалиться сквозь землю.

– М-да, ты уже пострадал от этих людей, но так и не врубился. Они спросят, а ответа не будет. Они спросят еще раз, и, думаю, с кулаками, а ты снова не сможешь ответить. Тогда они не просто спросят, а пустят в ход ножи и раскаленные щипцы. Вероятно, тебя заставят смотреть, как допрашивают Тноту.

– Откуда ты знаешь, может, такого и не будет, – промямлил Гиральт.

О, похоже, начало доходить. Надо добивать.

– Я знаю. Сам поступил бы так.

– Гир, он прав, – вмешался Тнота. – Я знаю этих типов. Им наплевать на солдат, наплевать на тех, кого они допрашивают. Гир, пожалуйста.

Голос Тноты дрожал от ужаса. Бедолага. С распухшей губой, изодранным лицом – он боялся не за себя.

Сработал ли страх Тноты, или дошли мои слова, но Гиральт, похоже, понял. Он обмяк, осунулся. Да, вот так улетают в никуда долгие годы трудов. Здесь, на краю Морока, Гиральт нашел свое место. Кем он был раньше? Скорее всего, неприкаянным отщепенцем. Вором? Слугой? Гиральт, наконец, устроил подобие приличной жизни, а оно вдруг оказалось свинцом на ногах и болотом под ними.

Я оставил их с Тнотой обговаривать последние дела и вышел в холодный тихий рассвет. Улицы пустовали. Никто не спешил просыпаться. Копатели и те, кто зарабатывает на них, – люди суровые. Встречаются и типы, каких я описывал Гиральту. Уверен, после окончания пальбы они выглянули в окна, вздохнули и спокойно отправились досыпать.

Мне требовались лошади. Общая конюшня, хлипкое строение под прохудившейся крышей, стояла на главной улице. Купить лошадей было не на что, да и выменять тоже. В конюшне за пологом спал парнишка. Он слегка отодвинул полог – посмотреть, кто же явился с утра пораньше. Увидел, и его вцепившиеся в ткань пальцы побелели.

– Ты здесь за главного? – спросил я.

– М-мой дядя, – непрестанно кивая, пролепетал он.

– Знаешь, кто я?

– Вы... вы убили этих, у бара...

– Да, убил, – подтвердил я. – Но тебе нечего бояться. Детей я не убиваю. Ты знаешь, что среди дуралеев, сунувшихся в ту стычку, были солдаты? Они наверняка приехали со станций на лошадях. А мертвым скакать не надо. Покажешь их лошадей?

Парнишке хватило храбрости встать и показать. Впрочем, ему же хватало храбрости спать одному, в конюшне, посреди такого городишки, как Фортуна-таун.

В итоге мне досталось пять лошадей, очень даже приличных, вороных и гнедых, пара – с белыми чулками. Когда я привел их к дому Тноты, оказалось, что влюбленные не теряли времени даром и уже рассовали все нужное по мешкам военного фасона.

– Вам нельзя возвращаться сюда, – предупредил я. – Если вы что-нибудь спрятали, рассчитывая забрать при нужде, лучше откопайте и заберите с собой.

Гиральт лишь вздохнул и с такой тоской посмотрел на дом, что меня уколола совесть – будто это я все подстроил и сломал им жизнь.

Впрочем, так ведь оно и было.

– Куда мы теперь? – спросил Тнота.

– Куда обычно, – ответил я. – Все дороги, в конце концов, ведут к Валенграду.

Глава 7

Наша поездка на юг вдоль Границы оказалась малопривлекательной. Лошади боялись меня, а спутники доставляли даже больше неудобств, чем седло. Раньше с Тнотой было легко и ехать, и пить, и болтать. А сейчас появился Гиральт, и Тнота отчаянно старался угодить нам обоим. Я хотел сосредоточиться на предстоящем, Гиральт – вернуть прежнюю жизнь, где и духу моего не было. Винить его не стоило. Мы провели бок о бок с Тнотой много, наверное, слишком много лет и пережили вместе не один кошмар. Гиральт всегда останется чужим нашему с Тнотой прошлому. Почти так же призрак Эзабет встал между мной и Валией.

Я забрал на запад, подальше от Морока и приграничной рокады. Мы поехали вдоль заброшенного канала. Прежде баржи возили тонны груза от станции к станции. Теперь остались только утки и тростники, а старые баржи лишь усеивали берега. На них жили выдры и красные гуси, а кое-где и бродяги. Эх, в ранние времена моих «Черных крыльев» я бы учинил тут облаву и собрал богатый урожай. Наверняка испытанные потрепанные типы, глядевшие на нас с барж, удрали из-под контракта Цитадели.

– И что ты собираешься делать, когда мы приедем в Валленград? – осведомился Тнота.

В последнее время он нечасто ездил верхом. Давала о себе

знать спина, а то, что держаться за поводья приходилось одной рукой, только усугубляло дело. Гиральт был ездок не ахти, но справлялся. А я уже успел навыки подрастерять. Не то чтобы я все забыл, но голова вспоминает ощутимо быстрее, чем бедра и мошонка. Никто не подскажет, как правильно подтянуть упряжь перед поездкой. Но если целый день тебя бьет по яйцам, поневоле сообразишь сам.

– Мне нужно встретиться с капитаном Клауном и узнать, приходили ли новости от Вороньей лапы, – сказал я. – Надо подготовиться к неприятностям.

– Мне Клаун никогда не нравился, особенно после того, как Валия о нем кое-что раскопала.

Увы, репутацию «Черных крыльев» часто портило прошлое ее капитанов. У всех семерых, включая меня, на совесть было здоровенное пятно.

– Кстати, Расскажи-ка про того темноволосого, – попросил я Тноту.

– Он назвался Нортон, явился в Фортуна-таун недели две назад. Неделю болтался просто так, пару раз переговорил со мной насчет похода в Морок. Старательство, обычное дело. Но ведь я уже завязал с навигацией. Ушел в отставку.

Тнота виновато посмотрел на Гиральта.

– А потом?

– Потом он явился ко мне, – продолжил Гиральт, – сунул пистолет в лицо, а его головорезы привели Тноту. Затем темноволосый сказал: если я не буду слушаться, получу на

обед Тнотину печенку. Но из-за чего? Меня сунули в подвал и держали там. И хоть бы объяснили, в чем дело!

Гиральт глянул так, словно лично я был в этом виноват.

– Потом он приставил мальчишку, – уныло сообщил Тнота. – А я ничего не мог поделать. В моем-то состоянии... Даже не знал, наблюдают ли они за домом. Если бы послать весточку Амайре... но та давно уехала и не появлялась...

– Лучше ей держаться подальше отсюда, – заметил я.

Тнота хихикнул.

– Амайра не вчера родилась. Твою дочь не нужно укрывать от сырости и сквозняков. После заключения договора с Вороньей лапой она быстро набралась сил. Да ты и сам знаешь – тренировал же ее.

Амайра... Мелкая, костлявая, злоязыкая, так хотевшая быть в «Черных крыльях», выторговавшая у Вороньей лапы мою жизнь – за свою. Я сделал для нее, что смог. Дети усваивают быстро. Я учил ее стрелять, драться мечом, кинжалом и голыми руками – в общем, всему, что помогает подростку выжить на Границе. Попытался вслед за Валией преподать грамоту, а заодно объяснить людскую натуру: как люди думают и принимают решения, на что падки, в чем слабы. Как найти людей, разговорить их или заставить умолкнуть без кровопролития. Конечно, Амайра училась быстро, но два года – слишком мало. Меня не было рядом в тот день, когда ворон впервые явился к ней – за двое суток до Вороньего мора. Я бродил в Мороке. Тогда, еще до Всегдашнего дома

и черных дождей, я уходил всего на пару недель, редко на месяц.

Настало время дождя. Из Морока поползли ядовитые облака, и мы спрятались в старом заброшенном доме смотрителя шлюзов на берегу канала. В доме было тоскливо и жутко, но хотя бы имелась крыша над головой. Мы даже успели развести огонь в камине до того, как упали первые капли.

– И отчего так уютно под крышей, когда с неба справляют малую нужду? – заметил Тнота, пытаясь попасть в свою прежнюю колею и разогнать уныние. – Как там Ненн говорила? Мол, жижа с неба – знак святых духов добрым людям: пора наведаться в бар.

Мы с Гиральтом вяло улыбнулись.

Эх, Ненн.

Дождь застучал по крыше.

Виноват Воронья лапа. Из-за него появились и дождь, и шепотки на ветру, и «сосуны». Вряд ли он учинил такое намеренно, это лишь побочный эффект, рикошет, мелкое последствие Вороньего моря. Безымянные совершили нечто более чудовищное и колоссальное, чем все сотворенное ими ранее.

Я не понимал, что именно они сделали, – во всяком случае пока. Безымянные, превратившиеся в ледышки на далеком севере, выбивались из сил, пытаясь не допустить пробуждения Спящего. Если бы Глубинные короли сумели разбудить его и поднять из океанских глубин, мир утонул бы. Безымян-

ные сдержали катастрофу – но подожгли мир. С неба капал яд, и с каждый годом земля родила все меньше. Растения чахли. Хуже того, многие из них научились впитывать отравленный дождь и сделались несъедобными. Яблоки ушли в прошлое, тыквы стали пронзительно горькими. Кукуруза вырастала черной.

Увы, жертвы Безымянных оказалось недостаточно. Нолл говорил, что Воронья лапа придумал план, но сам он искалечен и умирает. Ничего хорошего от будущего я не ждал.

Над потемневшей землей шипел дождь. И что же гребаный Воронья лапа учинил с этим миром? Сердце тьмы разорвало реальность. Вскипела и загорелась земля, раскололось небо. Люди Клира и Адрогорска переплавились в монстров. Воронья лапа отогнал Глубинных королей, но какой ценой! И, судя по тому, что сказал мне Нолл, этой цены было мало.

С живыми спутниками я чувствовал себя странно. Привык слышать только призраков, бывших отражением моих собственных мыслей. Когда стемнело, я забился в угол во второй комнате. По меркам влюбленных, Тнота надолго разлучался с Гиральтом. Пусть побудут вдвоем. Может, Гиральт смягчится?

Судя по звукам, воссоединение прошло бурно и счастливо.

Посреди ночи дверь приоткрылась, и в мою комнату осторожно прокрался Тнота, аккуратно прикрыл за собой дверь, приложил палец к губам.

– Тише. Он заснул.

Тнота старался сохранять невозмутимый вид, но не удержался, и его разбитые распухшие губы растянулись в улыбке.

– М-да, ничем тебя не удержишь, – ухмыльнувшись, заметил я.

Но сарказма не получилось, слова прозвучали фальшиво, не так и не по мне нынешнему. Я будто пытался нахлобучить детскую шляпу, из которой давно вырос, и вроде натянул, но она мне совсем не идет.

Тнота уселся за стол напротив меня. Я по глазам видел: хочет съязвить. Но в конце концов он решил сэкономить время и сразу приступить к делу. Опасался, что Гиральт проснется. При нем со старым приятелем-монстром уж точно по душам не поговоришь.

– Рихальт, ты выглядишь куда хуже прежнего. У тебя черные вены. А глаза не просто светятся, там словно жидкий огонь переливается. Жуткие окна горящего дома.

А, вот он к чему...

– Решение принято давно, мы придумали план, – я закатал рукав и показал старые шрамы – надпись, врезанную так глубоко, что никакая целительная мощь Морока не смогла бы ее стереть.

СТАНЬ НАКОВАЛЬНОЙ

– И мы всегда знали: придется заплатить, – добавил я.

Тнота промолчал. А что тут скажешь? В любом случае все зашло уже слишком далеко. Странно думать, будто я смогу

вернуться к нормальной жизни среди нормальных людей.

– Но так приятно снова повидать тебя, – сказал я – и не соврал. – Здорово было бы забиться в какое-нибудь захолустье, посидеть, поболтать о давнем... но, увы, времени нет. Теперь меня хотят прикончить не только Глубинные короли. Неприятности нарисовались и по эту сторону Границы. Плюс к тому, Акрадий стал Глубинным императором и хочет осчастливить нас визитом. В общем, все один к одному.

– Но есть еще Машина. Ведь правда, она есть?

– Нолл выжат почти досуха... я бы не рассчитывал на его Машину. Воронья лапа выдумывает новое оружие, но он и сам не в лучшей форме. Послал Нолла за мной в Морок, чтобы запустить свой план.

– Ты, наверное, слышал про капитанов Йосафа и Линетт, – вдруг вспомнил Тнота. – Извини, что раньше не сказал.

Ох. Йосаф был одним из гнуснейших мерзавцев, которых я только встречал в своей жизни. Злобный, хладнокровный убийца. Я вешал подонков за грехи в десятки раз меньшие, но Воронья лапа даровал этой сволочи татуировку ворона на руку. Линетт же командовала пиратской галерой до того, как залезла в долги. Грубая баба, но по-своему обаятельная. Амайре она нравилась. Всего нас было семеро. Граница иногда требовала скверного от своих тайных защитников, но эта пара откровенно любила потешиться жестокостью.

– И что мне следовало слышать о них? – поинтересовался

я.

– Деталей не знаю, но оба они умерли. А если бы этот Норт достал тебя, было бы три мертвых капитана. Может, кто-то прознал о замыслах Вороньей лапы и уничтожает его людей, хочет помешать.

– Может, – согласился я. – Тогда Граница и вправду доживает последние дни.

Честно говоря, мне было наплевать на смерть собратьев. Они заслужили свою участь. И не станут теперь путаться под ногами.

– Эх, мой капитан, думаю, мы оба понимаем: наш мир горит. Истекает кровью, – сказал Тнота и указал на дождь за окном. – Осталось только прийти и прикончить его.

– Тнота, я давно не твой капитан.

– Тут уж никуда не денешься, капитан – это навсегда, – заявил старый распутник почти с нежностью. – Даже если бы ты отрастил хвост и начал дышать огнем, я все равно сел бы с тобой за стол.

Тнота – добрый человек. А еще слабый и старый. Навигатор мне больше не нужен, и таскать Тноту с собой было бы жестоко и глупо. Он – не боец. Ему требуются дом и покой. Дружба со мной уже отняла у него руку и тихую семейную жизнь.

Да и лучше ему не знать, во что именно я превратился.

– Ты спрашивал про Амайру, – напомнил он.

– Да.

– И про Малдона.

– За ним нужен глаз да глаз, – кивнул я.

– И про Дантри.

Перечисляя, Тнота загибал пальцы. Вот же старая гадина.

Еще и глумится.

– Еще про кого-нибудь хочешь полюбопытствовать? – осведомился он.

Из горстки тех, кто пережил битву Великого шпиля, по-настоящему небезразлична мне была только Валия. Я не видел ее шесть лет. Каждый пошел своей дорогой, увы. Больно, да, словно выдрал из себя арбалетный болт, но что уж теперь жалеть. Я не знаю, где Валия, она не знает, где я. Письма слать некуда, да и незачем. Разве чтобы расшевелить старые болячки.

– Валия наверняка занимается своими делами, и они идут неплохо, – буркнул я. – Она-то умеет направить жизнь в нужную колею. А я сделал, что должен был.

– Да все понятно. Ты у нас – человек долга. Кстати, а вдруг вы встретитесь в Валенграде?

– А она в Валенграде? – не подумав, ляпнул я.

Болван.

– Не знаю. Я не видел Валию с тех пор, как мы сожгли тело Ненн. Но порой получаю весточки от нее. Невообразимым образом она находит мои норы. Валия всегда была чересчур умной.

– И что пишет?

– Да немного. Говорит, пару лет назад Амайре пришлось далеко уехать, и с тех пор никто из наших ее не встречал. Время от времени сообщает про княжеские дела. В общем, и все.

Странно было осознавать, что Амайра где-то далеко, на смертельно опасных побегушках у Вороньей лапы. Девчонка хороша, спору нет: быстрая, хитрая, сильная. Но такая юная, почти ребенок. Я часто вспоминал, как она пряталась под столом, в темноте.

Ох, бывший капитан Рихальт Галхэрроу, стареющий папочка. Пусть кровь в Амайре и не твоя, но, черт возьми, если не тебе быть добрым надежным папашей, то кому же еще?

– Вот и хорошо, – сурово произнес я. – Уверен, где бы Амайра ни находилась, она честно делает свою работу. Границе нужны умеющие все взять в свои руки.

Тнота поднялся и похлопал меня по плечу. Мне стало не по себе. Не раз я тащил его, упившегося, домой, лицом к лицу, но то была совсем другая близость. Похоже, я и в самом деле отвык от человеческого.

– Ничего, – сказал он. – Иногда полезно пустить сопли. Мы не гранитные. Даже ты.

И ушел в другую комнату, к Гиральту. Тот наверняка уже почуял, что рядом никого нет, и проснулся.

Я заметил свет за окном. Двигался он довольно быстро, но равномерно. Скорее всего, всадники с прикрепленными к упряжи фос-лампами ехали трусцой по берегу канала.

Наш огонь угас, дом погрузился во тьму. Выходить с приветствием было бы не слишком разумно. Я развязал мешок, вынул мушкет, установил прицел и посмотрел на всадников. Гражданские, одежда обычная, закутаны по уши – холодно. Все при оружии, но на Границе странно быть безоружным. Если они и солдаты, то неплохо замаскированные.

Причин для подозрений не вырисовывалось – разве что езда в ночное время.

Тихо, стараясь не разбудить Тноту и Гиральта, я зарядил мушкет. Пусть отдыхают, пока можно. Так, пыж и пуля на месте, порох на полке, дымящийся фитиль зажат, курок взведен.

Я снова выглянул в окно. Всего пятеро: три женщины, двое мужчин. Народ суровый, крепкий. Снаружи еще воняет черным дождем, запаха моего фитиля не заметят, разве что подъедут совсем близко.

Я наблюдал в прицел. Всадники посмотрели на старый дом, но не приблизились к нему, решили ехать дальше, вдоль Границы. Я погасил фитиль, поставил мушкет и сел у стены. Если бы они искали меня, то, конечно же, проверили бы дом. Но с какой стати им меня искать? Просто ночные путники спешат по ночным делам.

Обычные ночные путники у Границы с Мороком.

Глава 8

Если вы когда-нибудь видели, как бестолковый родитель запихивает за щеку комок «белого листа», а в это время его ребенок играет на полу с рассыпанными ножами и вилками, то можете представить мое отношение к Валенграду.

Дым из фабричных труб зачернил небо задолго до того, как показался город. Облака летучей дряни гирляндами висели над изгаженными домами. В дрянь гордо вонзался огромный Великий шпиль, увенчанный сферой из черного железа, открывавшейся и закрывавшейся, когда требовалось управлять запасами фоса. Угрюмо торчали башни Машины, в клоунских колпаках которых таилась беспомощная тоска, будто башни знали о своей бесполезности и скорой кончине.

Город вонял все тем же: людьми, зверями, фабриками, водой из каналов. Я почти соскучился по этому смраду. Люди суетились, торопились по делам.

Подумать только, вся моя возня за последние тридцать лет, так или иначе, была ради пользы этого скопления тщеты и смрада, ради каменных нагромождений и их суетливых обитателей. Притом что я в жизни не считал себя альтруистом и радел всегда исключительно о паре-тройке людей. И они, как ни смешно, тоже отдали многое за это вонючее место. Эзабет сгорела за него, а Дантри нынче – самый разыскиваемый преступник во всех княжествах.

И лишь рассмотрев Цитадель, я понял: город-то, оказывается, изменился. Пропал целый его кусок. Западный фасад скалился обломками камней. Мы встали посреди улицы и, раскрыв рты, глазели на страшную прореху. Неоновые буквы на Цитадели, изломанные и мигающие, гласили «Муж» вместо привычного «Мужество».

С ума сойти.

– Большой пес интересуется, что за хрень стряслась с этой грудой камня, – сообщил Тнота.

– Впервые слышу вопрос от твоего Большого пса, – заметил я. – И впервые мы с ним думаем одинаково.

Я нацепил очки, прикрыл рот повязкой от пыли, и наш отряд въехал в город. Видя, что мы не везем ничего на торговлю, стражники просто махнули: мол, давайте, проезжайте. Привратная служба донельзя нудная, а тут еще потрепанные скучные старики верхом. Но я таки остановился поболтать.

– Что это с Цитаделью?

– Никто не говорит, – не глядя на меня, буркнул стражник.

– А когда случилось?

– Два дня тому. Грохнуло ночью, и все западное крыло – тю-тю.

Стражник был уже немолод. Похоже, он пережил и атаку Шавады, и огонь с небес, и, разумеется, Морок. Беда в Цитадели для такого – крушение мира. Бедняга.

Мы двинулись дальше, и Тнота угрюмо спросил:

– Какие планы?

– Надо где-то устроиться, снять номера в гостинице. Не в крысиной норе, но и не в «Колоколе». Там, где нас не узнают.

– Тебя-то сейчас точно никто не узнает, – вставил Гиральт.

Выглядел он кисло. Ладно, пусть плюется желчью. Несладко ему, горемыке.

– Тноту могут узнать, – заметил я. – Мне придется залечь на дно, а вы пока кое-что прикупите.

В солдатском квартале Пайкс мы отыскивали приличную на вид гостиницу, где не было клопов, крыс и недостатка в пиве и бренди. Здесь не обратят особого внимания ни на закрытое лицо, ни на внушительный запас оружия. Конечно, я побаивался, вдруг Тноту с порога окликнет старый знакомец? Прежние его собутыльники легко догадались бы, что это с ним за семифутовый мужик. Я пригнулся, постарался сгорбиться, сжаться, дабы не давить на окружающих. Впрочем, девчушка за стойкой, вынудившая Тноту записаться, не проявила к нам интереса. Платим, и хорошо.

Мы разместились в соседних комнатах – уютных, с упругими кроватями и добротными каминами, полными дров. Я отправил Тноту с Гиральтом за покупками, а сам прилег вздремнуть. По пути с севера мне почти не довелось поспать. Даже и без ночных всадников поездка выдалась нервная.

Я закрыл глаза.

Мне приснилась Эзабет. Теперь она редко снилась, и сны

о ней не мучили, как раньше. Память блекнет, превращается в наборы слов. Да, где-то там, глубоко, по-прежнему печет, но сила уже не та. Ты печалишься, но тоска не режет сердце, она похожа на застарелую боль в давно сломанной руке. Когда Тнота тихо постучал в дверь, я открыл глаза. Сон сохранился в памяти, а боль его осталась в глубине дремы.

Любовники постарались на славу и притащили гору косметики: пудру и порошки разного цвета, вязкую белую мазь, под которой запаршивевшие скрывают язвы. Отыскали Тнота с Гиральтом и огромные очки с каплевидными гнутыми стеклами, закрывающими половину лица. Такие носят фосинженеры. Желтые стекла защищают глаза от шальных искр и потоков сконцентрированного лунного света. Тнота с Гиральтом нашли даже одежду моего размера, хотя кое-что и оказалось тесноватым. Скроенных по моим меркам людей совсем мало, но, к счастью, в Валенграде процветает торговля одеждой мертвецов, и мне подобрали подштанники и штаны, носки, рубашки, жилеты, и – о радость! – новые сапоги. Мои-то старые повидали слишком много Морока. Я был как мальчишка на собственном дне рождения и едва заставил себя помыться в лохани перед облачением в новое.

Вода почернела, над ней за клубился пар.

Во время мытья меня снова настиг приступ кашля. В легкие и глотку словно напихали битого стекла. Я вытер губы, испачканные тягучей черно-зеленой слизью. Комнату заполнила знакомая химическая вонь. То ли тело, очищаясь, пы-

талось выкашлять яд Морока, то ли жить мне оставалось недолго. Впрочем, ладно.

Надо приниматься за работу.

Я посмотрел туда, где между шпилями и колоннами фабричного дыма возвышалась подбитая Цитадель. Ни тебе пожара, ни расплавленных камней, ни оптических аберраций, бывающих после магических катастроф. Машина и ее проекторы были далеко от места крушения и не пострадали. Да, Машина в целости – но важно ли это теперь? Нолл уходит. Вряд ли мы сможем запустить Машину без него. Да и судя по словам самого Нолла, Машина все равно не защитит нас от Акрадия.

– Нам нужны деньги, – объявил Тнота и посыпал меня порошком.

На лицо будто повесили гирию.

– Мы сильно издержались?

– У нас и так было не много, а гостиница недешевая. Монеты хватит на пару дней.

– Выкрутимся, – пообещал я.

У меня не имелось ничего. В Мороке не слишком нужны деньги. Честно говоря, я и не подумал о них, когда послал влюбленных за косметикой. Экий эгоист. А ведь следовало сообразить. Тнота с Гиральтом не шибко богаты. Большую часть денег они вкладывали в дело Гиральта, брошенное теперь из-за меня. Само собой, Гиральт и глядеть не хотел на мою морду, которую штукатурил Тнота.

– Ничего, капитан, – подбодрил Тнота. – Мы справимся. Всегда справлялись, и сейчас сможем... Все, капитан, готово. Ты нынче белее молока, но Большой пес говорит, что это очень красиво. Конечно, с такой рожей тебя не примут за нормального, но и не решат, будто ты вылез из Морока.

Я надел очки и посмотрел на себя в зеркало. Появилось желание рассмеяться, но было страшно за свежую штукатурку – как бы не потрескалась.

– Сойдет, – кивнул я.

Затем повязал на голову платок, облачился в тесноватый плащ и поднял воротник. По длине плащ был как раз, но вот объемистостью прежний владелец не отличался, и я едва влез в рукава. Еще меня немного смущали золоченые нагрудные побрякушки на вытертой бурой ткани плаща.

– И какие планы? – спросил Гиральт, уныло глядящий в сумерки за окном.

– Мне нужно выяснить, что за человек Норт и кто его послал. Но сперва – поговорить с местным капитаном «Черных крыльев».

Я довершил костюм широкополой шляпой, на удивление просторной, и выбрался в городской сумрак. Увы, Валенград стал опасным для меня. Вряд ли я рисковал быть узанным старыми знакомцами, в таком-то гриме и облачении, но стоило помнить, что маршал Границы Давандейн испытывала ко мне особую ненависть. Вообще, меня никто не объявлял преступником, но маршал, помимо прочего, вдруг решила,

будто я виновен в том, что Железное солнце учинило с ее армией. Со своей стороны, я люто ненавидел маршала за атаку на город и резню ошалевших от веры идиотов. Но еще я был приятелем Дантри. И, наплевав на мое капитанство, Отдел городской безопасности мог решить, что мне известно, где его искать. Правда, я уже много лет не имел дела с Цитаделью. Вероятно, меня там считали трупом.

Пригнувшись, я крался по темным улицам и задымленным переулкам в сторону приличной части города, где обитали самые неприличные люди. Чемпионами по неприличию были законники. Да, я всей душой ненавидел банкиров, но они, по крайней мере, не скрывали своей жадности.

Квартал законников вычистили, бродячих свиней и собак отловили и выгнали специально обученные охранники. Пахло там, по валенградским меркам, не так и скверно. Хотя, принимая во внимание валенградские мерки, воняло все же отвратно.

Ненн поджидала меня на углу.

– Тебе не следует быть здесь, – заметил я.

– Это и мой город.

– Я имел в виду другое. Тебе не следует быть за пределами Морока. Ты ведь существуешь только там.

– Не я придумывала эти правила, – огрызнулась Ненн.

Она пошла рядом со мной, насвистывая мой самый нелюбимый народный мотивчик. Выглядела Ненн до ужаса настоящей. Захотелось потыкать ее пальцем в щеку. Но я не стал.

Если Ненн и вправду настоящая, она откусит мне палец.

– Может, я плод воображения. Вдруг текущее по твоим жилам дерьмо наконец ударило в голову? Не бывало у тебя таких подозрений?

– Думаешь, ты – галлюцинация?

– А спроси-ка у своего безумия, галлюцинация я или нет. Ты ведь наверняка свихнулся.

Впереди показалась обломанная часовая башня – черная колонна, торчащая из густой пелены зеленого дыма, изрыгаемого фабрикой стекла. Верх башни уничтожило Небесным огнем, и с тех пор ее так и не отремонтировали. Как ни странно, часы еще работали, показывали время, но всегда неверно. Я пошел сквозь зеленый туман. Он цеплялся, тянулся за мной длинными прядями, разрывался и убегал назад, к основной массе. И с чего Клаун вздумал селиться в этом разваливающемся столбе? Работа «Черных крыльев» зависит от информаторов, а вся эта ядовитая химия может оттолкнуть подходящих людей. С другой стороны, если хочешь укрыться от посторонних глаз, место – самое то. С колдовским флером. Впрочем, Клаун и есть колдун.

Я внезапно вывалился из смога в кольцо чистого воздуха, окружающего башню. Ненн не пошла за мной. Вокруг башни были клумбы с засохшими цветами: бурыми бутонами на черных стеблях, убитыми химией и отсутствием света. У двери сидел парень с одеялом на плечах. При виде меня он вздрогнул и едва не уронил одеяло. Хм, уличная кры-

са с Помойки: скверно сделанные татуировки на пальцах и под глазами, подстриженные под горшок волосы. На боку – кое-как прицепленный меч, совершенно не подходящий к ливрее привратника. Ливрея, конечно, видала виды, но на руке уличного крысеныша красовались новенькие часы, а в ухе – самоцвет. Жалкий мерзавец, хотя, надо думать, далеко не безобидный. В малолетстве воровал, подростком доставлял посылки с разнообразной дурью, потом начались драки и рэкет. В детстве он мало и плохо ел, толком не вырос и не нарастил мышцы, но драться наверняка выучился – по-уличному, хитро, жестоко и беспощадно. Опасная, непредсказуемая, вечно загнанная в угол крыса – живая иллюстрация к тому, отчего из знати получают скверные командиры. Они толком не понимают мир у себя под ногами, а вся настоящая работа делается в грязи.

– Я пришел повидать Клауна. Он дома? – осведомился я.

Шпаненыш смерил меня взглядом и не одобрил. Я весил как минимум вдвое больше него, но он явно привык выпендриваться, задираться, пугать и брать за горло. Может, потому Клаун и нанял его.

– Чего? А Клаун тебя видеть-то захочет? Ты, на хер, кто? Чудесная мусорная речь.

– Капитан «Черных крыльев» Галхэрроу.

Он вздрогнул и оживленно закивал.

– О да, да, сэр, конечно!

Парень заколыхался словно желе, но, похоже, не от вне-

запного приступа благоговения. Может, он наслушался историй обо мне и перепугался до колик? Теперь уже никто не вспоминал мой краткий взлет к маршальству Границы. Вспоминали только ночные облавы и то, как я калечил и ломал тех, кого поймал. Издержки долгой карьеры: вовремя сдохнешь – и ты герой, а чем дольше служишь, тем больше дерьма копится вокруг тебя.

Крысеныш скинул, прямо в лужу, одеяло и зашел внутрь башни. Я услышал вой заряжающегося коммуникатора, затем стук пальцев по кнопкам.

– Поднимайтесь, – вернувшись, сообщило дитя Помойки.

Пропуская меня, он буквально вжался в стену.

– Это правда, что вы остановили огонь с неба?

– Я там был. Но остановили огонь майор Ненн и ее ребята.

– Про Ненн не слыхал.

Я вздохнул и двинулся наверх по спиральной чугунной лестнице. Шесть лет назад весь город знал Ненн и ее «дра-ней». Может, крысеныш выглядит старше своих лет? Пропало всего ничего, а некогда знаменитое имя осталось лишь в памяти соратников.

Резиденция Клауна была под стать моим мыслям: холодная и неуютная, почти на самом верху. Похоже, Клауна завела сюда неумная тяга к романтике и дешевым эффектам. Он слишком серьезно воспринимал свою колдунскую суть и страдал катастрофическим отсутствием вкуса. Впрочем, я тоже хорошим вкусом не отличался.

Лестница скрежетала и качалась под моим весом, разболтавшиеся винты грозили выскочить. Не хватало еще свалиться отсюда.

Когда я наконец добрался, Клаун встретил меня стоя, как подобает равному. Шести футов ростом, светловолосый, чисто выбритый, хорошо сложенный. Но была в нем некая бледность, вялая бесплотность, делавшая правильное красивое лицо отталкивающим. Колдун носил белую шелковую рубашку с жемчужными пуговицами и пышный лиловый галстук. Станный наряд для колдуна-затворника, не ожидающего гостей. До того, как Воронья лапа предложил Клауну покровительство (цену которому я хорошо знал), тот был землевладельцем. Новые мощь и положение, покровительство Безымянного ударили бедняге в голову.

Капитанам «Черных крыльев» не привыкать к кошмарам наяву, и наверняка Клаун видывал зрелища поужаснее, но все равно опешил.

– Ты... ты не умер? Я думал, кроме меня, никого из наших не осталось...

Я всерьез испугался, что он всплакнет и вздумает обниматься.

– Кого это – наших?

– «Черных крыльев». Э-э, выпьешь?

– Спасибо, нет.

Клаун завел меня в свое обиталище. На одной стене крепились шестерни, канаты и трубы с фосом, уходившие на-

верх, к часам. На других висели доски для заметок, брошюры, плакаты, исписанные вручную листки, соединенные бечевками, – плоды трудов плохо оплачиваемой агентурной сети Клауна. Мне вспомнилось, как работала с нашими информаторами и шпионами Валяя. Увы, Клаун не справлялся с организацией, хотя и был одержим тягой к чистоте и порядку.

Впрочем, Клаун, по сравнению с прочими, легко приспособился к жизни в «Черных крыльях», пусть и злился больше других, что попал в услужение к Вороньей лапе. Мы, конечно, все злились, за исключением, пожалуй, Сильпура, но только Клаун нес свою злобу словно камень на плечах, и вечно демонстрировал ее окружающим.

– Давно общался с остальными? – спросил я.

– Так ты не знаешь... капитана Йосафа нашли в канаве у станции Четыре, с ножом в спине. Капитана Линетт удавили в спальне дешевой таверны. Василова и Амайры уже много лет нет на Границе.

– А Сильпур?

Клаун был сильным и умелым магом, но вздрогнул при упоминании Сильпура.

– Лучше бы я больше не встречал эту тварь. Прослышав о его смерти, выкурю трубку и открою бутылку лучшего вина.

– А когда ты в последний раз получал известия от Вороньей лапы? – поинтересовался я и уселся на выдавший виды диван.

Только духи знают, как его втащили по винтовой лестнице. Клаун устроился напротив, на жестком деревянном стуле.

– Восемь лет назад. Сообщение прекратилось еще перед Вороньим мором, – сказал Клаун и с отчаянной надеждой добавил: – А с тобой он связывался?

– Нет.

– Одно время я боялся, что с ним случилось плохое, – уныло поведал Клаун.

Я догадался, о чем он хотел и не решался спросить. Страшился самой этой мысли или боялся выдать свои ожидания? Скорее, и то и другое вместе.

– Если бы он умер, мы бы узнали, – заверил я. – Понятия не имею, что с нами стало бы, но хорошего уж точно бы не случилось. Когда Глубинные короли грохнули Холода, взорвались все его капитаны.

Клаун кивнул – мне показалось, что с облегчением.

– Тогда где он?

– Он ослаблен, возможно ранен. Вороний мор тяжело дался всем Безымянным.

– А вот Мелкая могила весьма бодр, – заметил Клаун. – Видел, что стало с Цитаделью? Это его рук дело. Судя по всему, несчастный случай. Хотя с Безымянными нельзя быть уверенным ни в чем.

– Мелкая могила снес кусок Цитадели? – не веря своим ушам, пробормотал я.

– Он вроде пытался подарить нам какое-то оружие. По крайней мере, так говорят. Но маршал Давандейн перекрыла все подходы и даже не захотела обсудить это со мной. Она давно недолюбливает «Черные крылья». И мы оба знаем почему.

Конечно, Клаун оставался союзником, но вел и свои игры. И пусть мы служили одному господину, это не означало взаимного доверия. Валяя собрала кое-какую информацию о колдуне. Ходили слухи про задушенных молодых женщин, причем беременных. Они были служанками или батрачками на ферме Клауна. Но в дни их смерти тот непременно отсутствовал.

Да, Воронья лапа выбирал знающих и сильных. Совесть таким скорее мешала. Может, Клаун знал о событиях в Цитадели больше, чем сказал, а может, и вовсе не знал ничего. Как и у меня, у него были свои цели. Он присматривался ко мне: заглянул в мои желтые глаза, определил толщину макияжа. Наверное, учуял и вонь Морока.

– Галхэрроу, где ты был? Что делал? О тебе спрашивали и прочие капитаны, и Цитадель, и даже служба городской безопасности. Все интересовались, куда подевался наш капитан. И вот, спустя пять лет, ты снова здесь, странный донельзя, и говоришь так, будто проглотил жабу. Давандейн хочет арестовать тебя за пособничество обезумевшему графу.

Ха, ну и новости. Впрочем, не слишком удивительные. Но вряд ли Норт работал на Цитадель. Он хотел не поймать ме-

ня, а грохнуть.

– Куда Воронья лапа посылал тебя?

Клаун заблуждался. Кроме того, он нарушил правила. Если думаешь, что другой капитан на задании, зачем спрашивать на каком?

– Я работал на всеобщее благо. Надеюсь, и ты тоже, – изрек я и пренебрежительно махнул рукой в сторону бумаг и веревочек.

Клаун холодно уставился на меня. Зря я с ним так. Все же пока он не враг мне. И лучше не делать его врагом.

– Меня пытались грохнуть на станции Четыре-Четыре. Южанин, назвавшийся Нортм. Проворный и умелый тип. Профи. Линетт и Йосаф уже трупы. На нас идет охота.

– Атака на «Черные крылья»? Хм... И два капитанских трупа – подозрительно. Но покушение на третьего – верный признак. Норт – имя редкое. Я поищу.

Он уставился на стену с бумагами и веревочками.

– А что насчет Линетт и Йосафа? Есть подозрения, слухи?

– Цитадель снабдила меня информацией, – хмуро сообщил Клаун. – Йосафу в хребет воткнули нож, Линетт удушили проволокой. Не подстрелили, не пырнули. Никакой надежды на случайную смерть. Полагаю, ты прав. Никто ведь не носит с собой удавку на всякий случай. А Линетт не из тех, кого легко застать врасплох. Да, и по Линетт есть описание возможного убийцы.

– Описание? Не слышал. Что-нибудь полезное?

– Не слишком. В ночь смерти Линетт прислуга видела околачивающегося поблизости «малыша».

– «Малыши» не душат людей удавками, они их просто рвут на части. К тому же, на Границе уже давно не было «малышей». Скорее всего, бродил какой-то ребенок.

– Я тоже так подумал. Но ты ведь спросил про слухи. Кстати, я повесил заклятие удушения на входе – на тот случай, если ты соврал привратнику. Нынче осторожность не помешает.

Я даже обрадовался тому, что не заметил заклятие. Клаун был «немой», а я знаю про магию «немых» меньше, чем про рельеф собственной задницы. «Немые» умеют убивать тихо и быстро. Воронья лапа спешит закабалить магов при малейшей возможности. Капитан Василев – спиннер. Про Сильпура толком не знаю, но нормальные люди не двигаются с таким проворством.

– У меня есть кое-что интересное, – заявил я и рассказал историю моего знакомства с темноволосым южанином в Фортуна-тауне.

Клаун прилежно записал детали, но бумажку на стену прикрепил без проблеска энтузиазма. Видать, бедняга совсем выдохся. Если бы жилище не выдавало фанатичную страсть хозяина к чистоте, я бы подумал, что интереса к жизни его лишает «сосун». Но мелкому дерьму здесь попросту негде спрятаться.

А я-то надеялся – Клаун расскажет, кто спустил на ме-

ня собак. Но Клаун, похоже, сидел себе в башне, одинокий и безразличный, и ни черта не знал. О Василове, Амайре и Сильпуре он давно не слышал, а ведь Воронья лапа поручил ему следить за своими капитанами, собирать сведения о том, где они находятся и что замышляют. Я выполнял его работу без малого двадцать лет. Теперь, когда нас всего пятеро – если, конечно, остальные еще живы, – скоординироваться важно до крайности. Нужно отыскать кого-нибудь, реально держащего руку на пульсе.

– Тут всплыло еще одно имя, Зима, – вспомнил я. – Знаешь, кто это?

– Понятия не имею, – ответил Клаун.

Ну да. Про Зиму я узнал от Нолла, в Мороке. Шансов на то, что и Клаун в курсе, было с гулькин нос. Но стоило пройтись по всем дорожкам, даже самым глухим.

Клаун просмотрел несколько листков с записями и покачал головой.

– Цитадель ищет тебя, но вряд ли Давандейн опустится до того, чтобы нанимать бандитов. Слишком уж она амбициозна. Для нее услышать свое имя на параде победы важнее, чем победить. Ходит слух, будто Давандейн хочет выйти замуж за Великого князя Верканти и унаследовать его титул князь-маршала. Хотя титул она и так получит, если запишет на свой счет большую победу. По крайней мере, Давандейн так думает – и планирует занять Адрогорск.

Столько лет прошло, а все равно я вздрогнул, услышав это

название.

– Идиотизм...

– Отчего-то меня не удивляет твое мнение, – заметил Клаун без тени улыбки. – Порой кажется, что я тут сижу зазря. Ресурсов – кот наплакал. На жалкие гроши, которые мне выделяет Цитадель, можно нанять лишь привратника – вдруг Воронья лапа явится, так хоть не пустой дом застанет. Впрочем, Воронья лапа не придет. Он жив, но с ним, я чувствую, покончено.

– Никогда не стоит сбрасывать ворона со счетов, – веско сказал я. – Кстати, насчет того мальчишки у входа. Сколько ты платишь ему?

– Две сотни в неделю. Едва хватает, чтобы не сбежал. У него чутье как у цыпленка, а мозгов вполовину меньше. Только и годится – сидеть у дверей.

– И ты не дарил ему часов? Разноцветного камешка в ухо?

Похоже, Клаун сильно удивился. Он не из тех, кто приглядывается к слугам. Типично для аристократов.

– Конечно же нет. Парень не любовник мне, если ты об этом. Знаешь ли, в постели я по другую сторону.

– Да не о том речь, – рассердился я. – Раз ты ему не платишь, а ты ему не платишь, значит, у него есть другой источник дохода. Черт подери, Клаун, он у тебя под носом работает на кого-то еще.

Клаун нахмурился, взял листок бумаги и записал, один в один, мои слова. Затем прищипил листок на стену и вни-

мательно посмотрел на него, словно встраивал элемент в гигантскую головоломку.

М-да. Кто мог знать, что дела настолько плохи. С другой стороны, такой, бесполезный, Клаус не помешает, когда настанет время отдернуть занавес.

За считанные секунды я, грохоча сапогами, слетел по расхлябанной лестнице. Клаун что-то прокричал мне вслед, но его уже не было слышно. Как оказалось, мальчишка-привратник смылся. Думаю, он помчался к Давандейн, едва я вошел в дом.

За кольцом тумана, окружающим башню, меня ждали.

Глава 9

Двое только что спешили и привязывали взмысленных коней к ограде. Ребята, каких замечаешь в первую очередь, когда не хочешь сам быть замеченным: крепкие, плотные, коротко стриженные, с каменными глазами. Серьезные ребята с серьезным железом на боку. На лицах – шрамы, значит, бывали в переделках, но не часто, поскольку крутые и умелые. Они уставились на меня так, будто из тумана к ним выбрался оживший мертвец.

– Капитан, давно не виделись, – сказал тот, что повыше, парень чуть старше тридцати, с зарождающимися залысинами у висков.

Его товарищ отошел на пару шагов.

– Давно, – подтвердил я. – Рад видеть тебя, Кассо.

В прошлом он работал на меня и был одним из самых умелых бойцов. Я не встречал его с тех пор, как потерялся в Мороке. Кассо ушел в Светлый орден и, по моим сведениям, погиб, когда Давандейн штурмовала город.

– Похоже, ты нашел новую службу, – добавил я.

– Работаю на Отдел городской безопасности. Маршал хочет видеть тебя.

Он всегда был немногословным, не улыбочивым. Таким и остался.

– Если я решу повидать маршала, то повидую. Мне извест-

но, где ее искать. Кассо, пожалуйста. Не заставляй посылать тебя куда подальше.

Угроза на него не подействовала. Впрочем, наемники Отдела всегда были на голову выше обычной городской стражи. Те ловили мелкую шпану и отгоняли нищих от храмов. Отдел играл по-крупному, влезал в дела князей и военных. Кассо всегда умел справляться с опасными сердитыми типами.

– Мы быстро управимся, – пообещал он. – Маршал умеет быть щедрой. Тейт, правда же, Давандейн подобрела в последнее время?

– Ну да, конечно, – поспешно согласился Тейт, жирноватый и грузный.

Поди разбери, где у таких кончается жир и начинаются мышцы. Тейт уставился на меня, сложив на груди руки.

– Если ты думаешь, будто мною хоть раз двигали деньги, значит, плохо меня изучил. Но спасибо, что не пытаешься наезжать. Мы оба знаем, к чему это может привести.

– Похоже, ты слишком долго просидел в Мороке, – заметил Кассо. – Не без последствий. Вон кожа какая, и с глазами что-то не то.

– А я-то думал податься на конкурс красоты.

Кассо не улыбнулся. За прошедшие годы радости в нем поубавилось, зато прибавилось мышц. Он сунул большие пальцы за пояс, расправил плечи. Ходячая уверенность в себе.

– Мы когда-то работали вместе. Славно работали. Так что давай по-хорошему. Не думай, будто я боюсь тебя. Прежде ты был лучшим из лучших, но жизнь нас обоих потрепала. Просто ответишь на пару вопросов, и все.

Представляю, что это за вопросы. Куда делся Дантри Танза? Где ты его видел в последний раз? Зачем он разрушил мануфактуру фоса в Хайренграде? А в Сноске? Как он перегрузил батареи? Замешан ли ты в его преступлениях?.. А, не помнишь! Пожалуй, неделя в белой камере вылечит твою память.

Меня опять настиг приступ кашля, и я выплюнул на ладонь жуткую черно-зеленую слизь.

– Конечно, оно нечестно – бить хворого, но, если ты не захочешь по-доброму, что нам останется делать? – задал Кассо риторический вопрос.

– Только тронь свой гребаный меч, и, мать твою, лишишься руки. – Может, я и кажусь стариком, но, если говорю, что не жажду куда-то идти, лучше меня послушать!

Возле моих ног вились языки колдовского тумана. Тейт подсеменял к Кассо, медленно сдвигая ладонь к рукояти. Надо же, и в самом деле собирается попробовать.

– Нет, – приказал Кассо.

– Нам нужно взять его, – напомнил Тейт.

– Нет. Он прав, влежку у нас не получится.

Неужто Кассо научился от меня хоть чему-то?

– Капитан, ты что, и вправду снюхался с Дантри Танза?

Он нынче самый разыскиваемый преступник во всех княжествах.

– Шесть лет не видел его, – устало произнес я. – И понятия не имею, где он.

– Мы вернемся, и нас будет больше, – пообещал Кассо. – Теперь Давандейн знает, что ты здесь, и не успокоится. Ей нужно схватить Танза, дабы занять место рядом с князем Верканти. Может, тогда она перестанет мечтать об Адрогорске. Танза – опасный человек, предатель. Раньше ты бы сам охотился на него вместе с нами.

– Все меняется со временем. И мир уже не тот, – печально и торжественно сказал я.

– Ладно, просто мы первые, кто к тебе подобрался, – усмехнулся Кассо. – Но наши наверняка возьмут тебя до завтрашнего вечера. Ты зря тянешь. Будет только хуже.

– Ничего, я попытаю счастья.

Кассо медленно кивнул. Я повернулся и пошел прочь по темной аллее. Хорошо, что Кассо научился мыслить здраво. Он не шибко мне нравился, но я уважал его. И, кстати, Кассо сказал правду: в свое время я делал бы ту же работу. Они не знают, насколько важное задание выполняет Дантри. К сожалению, невинные всегда попадают под огонь, но что уж теперь – если Кассо учился у меня, то я учился у Вороньей лапы.

Всех не спасешь.

Увы.

Я вернулся в гостиницу, проверил макияж. Встреча с Клауном почти ничего не дала, разве что тревожные вести про Мелкую могилу. А вдруг, и правда, Акрадий смог использовать Безымянного для удара по Цитадели?! Хотя Мелкая могила всегда был странноват, даже по меркам Безымянных.

Я проголодался и спустился в бар. Дописал к нашему счету тарелку лепешек и сыра. Сыр оказался каменным, хлеб – ему под стать, но если ты три месяца подряд ешь все те же баранину и похлебку, всякая другая пища покажется тебе гастрономическим чудом. Затем я заказал омлет с беконом. После раздирающей глотку слизи простая вкусная еда казалась даром святых духов.

Ко мне подсел Тнота, заказал пива. Я потягивал свое медленно, с опаской, но пиво было слабеньким, мне потребовалось бы с полдюжины пинт, чтобы хотя бы зарумяниться.

– Как дела? – спросил Тнота.

– Погано. Клаун совсем плох. Наверное, бедолага сник из-за того, что Воронья лапа его забросил. А жаль. Клаун всегда был мудаковат, но умел работать и обладал большой магической силой. Помнишь то гнездо «невест» в Сноске? Они только решили осесть, а Клаун в одиночку уже прикрыл их всех. Жаль, что от него впредь не будет толку.

– И какой теперь план? Искать типа с прозвищем Зима?

– Именно. Он – капитан Нолла, и он умудрился выследить меня в Мороке. Это очень даже немало. Зима – наш главный шанс выяснить, кто мечтает грохнуть меня.

– Давандейн – наверняка.

– Она хочет потолковать со мной, и ее пучит от собственной важности, но сердце у нее на месте, – заметил я. – Во всяком случае, бо́льшая часть сердца. Она же ратует за безопасность на Границе, а охота за людьми Вороньей лапы этому уж точно не поможет.

Хм, маршал жаждет меня схватить, Норт на пару с Глубинными королями – прикончить. Даже лестно. Я становлюсь чертовски популярным.

– И что ты собираешься делать?

– Раз меня разыскал Отдел, то и Зима отыщет. Если, конечно, он настолько хорош, как говорят. А покамест я посмотрю, нет ли известий о Дантри в нашем ящике. Давненько к нему не навевывался.

– Мы проверим утром, – пообещал Тнота.

Он допил пиво и помахал официанту, мол, повтори. М-да. Когда мы только познакомились, то порой напивались всю ночь и на рассвете с хохотом вываливались на улицу. А теперь мы чуть живы и косеем от пива.

– Нет, проверю сам, – отрезал я и вздохнул. – Вы с Гиральтом купите места в ближайшем караване и уйдете на запад.

– Как это?.. Зачем?!

Да, дерьмовато такое говорить. И жалко отрезать то, что за столько лет будторосло в меня. Но еще жальче больного, постаревшего Тноту и Гиральта, уж точно не готового к моим сюрпризам.

– Тнота, ты не сможешь жить, как прежде, – выдавил я. – Мои нынешние игры не по тебе. Я подставил вас с Гиральтом в Фортунатауне. Здесь подставляю тоже.

– Рихальт, не лей по мне сопли. Я всегда понимал, что сулит знакомство с тобой. И сейчас понимаю.

– Раньше у нас была работа, за которую платили князья. А нынче я действую на свой страх и риск.

– По-твоему, я с тобой из-за денег? – скривился Тнота.

– Поначалу да, был из-за денег. А потом уже из-за меня и Ненн. Но теперь тебе есть о ком заботиться. А у меня появилась привычка дерьмить всех, кто водится со мной. Эзабет, Валия, Ненн... Ты же понимаешь: навигатор мне больше не нужен. А все остальное... поверь, оно не стоит того, что есть у вас с Гиральтом.

– Я понадоблюсь тебе.

– Нет. Ты даже не лишняя пара рук.

Мне хотелось плюнуть самому себе в лицо. Но держался я ровно и спокойно. Опять же, толстый слой грима помогал изображать равнодушие.

– Хорошо, ты прогонишь нас, и что дальше? – деловито спросил Тнота.

Я вытащил из кармана мешочек – свою записку как раз на такой случай. Мне она уже не понадобится. Распустив завязки, я показал Тноте содержимое. Тот увидел блеск и тихо охнул.

Я затянул шнурок, подпихнул мешочек к Тноте.

– Это алмазы из Морока. Если продашь их в ближайшие два дня – уедешь с состоянием на руках. Хватит аж до восточной границы. Осядьте где-нибудь в Валеньи, Гиральт откроет новое дело, ты создашь ему домашний уют. Но у тебя и правда только пара дней на продажу – потом они рассыплются песком. Трюки Морока. Продавай и выметайся. Я не хочу, чтобы меня шантажировали тобой.

Конечно, Тнота мечтал о спокойной старости подальше от расколотого воющего неба, о возможности вернуть Гиральту потерянное. Мечтал уйти от бесконечной войны Безымянных с Глубинными королями, бросить пить и с толком использовать оставшиеся годы.

Он потупился.

– Тебе не обязательно быть одному...

Я подтолкнул алмазы ближе к нему. Тнота нерешительно накрыл мою руку своей.

– Ладно, подумаю... но как мне узнать, что с тобой все хорошо, что ты справился? Столько лет борьбы...

Я положил мешочек на ладонь Тноты, сжал его пальцы.

– Ты непременно узнаешь. Или мы все станем драджами, или у меня получится. Третьего, понимаешь ли, не дано.

Глава 10

Пришел рассвет – не то чтобы прекрасный или просто приятный. Но солнечные лучи пробились сквозь голубое мерцание Клады. С улицы доносился гомон – рабочий люд спешил по дневным делам, ночной народец разбредался по трющобам.

– Вот это повсюду, – сообщил Тнота и сунул мне листок бумаги.

Гиральт кивнул почти с сочувствием – определенно, Тнота рассказал ему о нашей беседе. Ох, хоть бы старый распутник не отказался удирать.

Художник нарисовал меня неплохо, но сильно приукрасил реальность. На листовке я был вполне молодой и красивый. Чернила размазались – печатали впопыхах и не дали просохнуть. Надпись гласила: «Галхэрроу, человек-гоблин! Опасный! Не приближаться! За информацию о нем – награда!»

Листовку сляпали кое-как, не выровняли шрифт. Хм, не слишком ли много хлопот ради того, чтобы вырвать у меня минимум сведений о Дантри? Внизу листка шла одна красная строчка: «По приказу Отдела городской безопасности».

– Подбородок у меня более мужественный, – заметил я и вернул бумагу Тноте.

Тот скорчил кислую рожу, подражая лицу на портрете. Я

помимо воли улыбнулся.

– Проблемы, – сказал Тнота. – Весь город оклеен этим. Даже если до тебя не доберется Отдел, то уж какая-нибудь банда точно попробует заработать.

Я согласился. Затем объяснил, как дойти до магазина на Слэк Роу, написал на обороте листовки список нужных мне вещей: мушкетные пули, мешочек пороха или готовые заряды, два новых ножа, солдатская лопата, два хороших кожаных мешка и прочее, необходимое или приятное. Тнота с Гиральтом ушли, а я встал перед зеркалом и попробовал угадать, когда же нарисовали портрет. Форму глаз передали верно, только сделали их темными, а не подсвеченными изнутри. Кожа тогда еще не блестела будто лакированная, и под ней не было черно-зеленых жил, как теперь. Вряд ли с кем-то случалось такое раньше. Лишь я один шесть долгих лет впитывал отраву проклятой земли. На меня и прежде не особо западали, а в нынешние времена я не приглянулся бы и психопату.

Борода моя отросла до середины груди, волосы – до плеч, слабые, ломкие. И седые. В морщинах на лице – серая чешуя.

Увиденное не пришлось мне по душе. Никому не нравится стареть, но я-то выглядел намного старше, чем ощущал себя. Захотелось постричься покороче. Мелькнула шальная мысль: мечтаешь снова стать похожим на портрет? Но я уже начал свой путь и не планировал останавливаться.

Я опять покрасился, будто двухгрошовый актеришка, и

перешел ко второму пункту плана. Нацепил очки, прикрыл капюшоном гоблинскую рожу. Небо затянуло облаками, собирался дождь. Отлично! Никто не потревожит бедного спешащего путника.

Я взялся за ручку двери, и тут случился очередной приступ кашля. Меня согнуло пополам. В прижатую ко рту ладонь вылетел темный, вязкий как сироп сгусток, а в глотку будто насыпали вымоченный в кислоте щебень. Я уселся на кровать, выхаркнул новую порцию черной дряни, выждал. Кажется, очутившись вне Морока, тело принялось отторгать его. В прошлом это означало бы выздоровление. Но сейчас я зашел слишком далеко. Видимо, надо поскорее возвращаться, чтобы не загнуться без Морока.

Утренняя суeta уступала место обычным дневным заботам. Почему-то фос-светильники не отключились и заливали улицы холодным белым светом. К чему такая расточительность? Я отворачивался от фос-труб. Вряд ли бы меня заметили из-за них, легче быть унесенным внезапным ураганом. Но береженого духи берегут.

– Не пора ли опрокинуть стаканчик? – прошептала Ненн.

Но поблизости ее не было. Приехали, галлюцинации. Вот что значит просидеть столько времени вдали от людей. Теперь я с людьми. Может, это вытрясет призраков из моей головы? Конечно, всему виной – отравка Морока. Я в своем уме. И никак иначе.

У разваленной части Цитадели уже построили леса, инже-

неры ремонтировали сеть трубок, демонстрировавших городу слово «МУЖЕСТВО». Правильно. Надо избавляться от хаоса, пусть люди видят, что жизнь возвращается в свое русло.

Я благополучно добрался до узкого фасада лавки в Виксе, продававшей прялки. По дороге никто не попытался ни арестовать меня, ни пырнуть ножом. Я заглянул в запотевшее окно, понял, что в лавке спокойно, и зашел внутрь.

Молодая женщина пряла, умело превращая ворох крашеной шерсти в нить. Тут же стояла колыбель с ребенком. На полках виднелись детали прялок: колеса разных конструкций и из разных сортов древесины, педали, иглы. Женщина посмотрела на меня с ужасом, словно на явившийся из преисподней призрак. Да почти так оно и было. Затем перевела взгляд на рукоять, торчащую из-за пояса.

– Вы не похожи на того, кому нужна прялка, – определила женщина.

– Признаюсь: я не ткач. И даже не спиннер.

– Так что же вы ищете?

– Я ищу Глауду, хозяйку этой лавки. Она здесь?

Вращение веретена замедлилось.

– Это моя тетя. Прошлой зимой она умерла от лихорадки.

Лавка теперь принадлежит мне.

Вот дерьмо.

– Соболезную, – склонив голову, сказал я.

– Вы знали тетю?

– У нас было деловое соглашение.

Женщина нахмурилась. Наверное, подумала, что я тут из-за денег. Наследуя заведение, наследуешь и его долги.

– Глауда получала письма для меня. Я часто бываю в разъездах, и она хранила мою корреспонденцию. Знаете об этом что-нибудь?

– А, так вы капитан, – нервно произнесла женщина.

Хм, с чего ей пугаться? Впрочем, вид у меня был не слишком успокаивающий.

– Да, капитан, – подтвердил я.

– Простите, письмо пришло, но несколько месяцев назад. Знаете, вся эта суeta... Я принимала дела после тети. Теперь уж и не помню, куда подевала его. Но вы подождите, оно обязательно найдется.

Я так давно ничего не получал от Дантри, что даже разволновался при мысли о письме. Мы договорились связываться лишь по самым важным поводам. Если он, наконец, написал мне, значит, у него получилось.

– Буду очень благодарен. Курьер ведь заплатил вам при доставке?

– Да. Не могли бы вы пока посторожить лавку? Сейчас, я быстро.

Она выхватила ребенка из колыбели и скрылась за портьерой. Лавка явно в пригляде не нуждалась. От безделья я покрутил одно, другое колесо. Сделаны они были на совесть. Такой легкий ход. Хм, наверное, хозяйка похоронила пись-

мо под кучей бумаг или сунула в дальний сундук... Что-то долговато.

Глауда была честной, но, увы, пожилой. А я и не замечал, как идут года. Неприметная и надежная, Глауда не покидала Валенграда и держала рот на замке. Мы привыкли пользоваться ее услугами по передаче писем. Верность в нашем деле всегда ценилась.

Вдруг до меня дошло: чтобы искать письмо, не нужно брать ребенка. Я отдернул портьеру. В кухне тишина, дальше тоже, задняя дверь нараспашку. Взбежал по лестнице — никого.

Гребаный дом оказался совершенно пустым.

Глауду мы выбрали за то, что она не совала нос в чужие дела. А вот ее племянница, похоже, так не умела.

Скоро за мной явится толпа, и, скорее всего, по улице. Значит, валить надо через заднюю дверь.

Проход за дверью был узким, усыпанным крупными гниющими щепками со слизняками на них. Вел он в такой же проход, сырой и грязный. Я оттолкнулся от стены и вспрыгнул на шестифутовую изгородь. Та заскрежетала и чуть не обвалилась подо мной. Я слез наземь с полной заноз перчаткой и глухим нытьем в спине, сожалеющей об утраченной молодости. Передо мной расстилался лабиринт закоулков. Тут я скорее сам потеряюсь, чем меня выследят.

Но, черт подери, Дантри прислал письмо, как бы его достать.

И в Мороке, и в безопасных местах полезно иногда оглядываться. Я оглянулся и увидел то, что видеть бы не хотел. Извиваясь угрем, по проулку ко мне неслась дымящая, искрящая синевой и золотом струя фоса.

Пора было драпать.

Я кинулся прочь – и попал в тупик. Оглянулся снова и понял, что фос-змея повернула вслед за мной. Прежде я не видал таких трюков с фосом. Наверное, касаться этой змеи не слишком полезно для здоровья. Чахлая щеколда слетела от моего пинка, и я через задний двор проскочил в следующий лабиринт закоулков. Куча старых поломанных половиц возле изгороди – хороший помост. Я взбежал по нему, спрыгнул с той стороны и оказался на незнакомой улице, по щиколотку в луже. От меня шарахнулись прохожие.

Несколько секунд все выглядело спокойным. Затем изгородь, через которую я только что перелез, с грохотом разлетелась и в дыру полезла искрящаяся змея. Да, тут не подерешься. Я побежал. Фос двигался медленно, но неумолимо. Иногда он сбивался с пути, тыкался в углы, но не отставал. Люди визжали, разбегались, неподалеку зашелся лаем пес.

На углу Динч-авеню у меня перед глазами поплыли звезды. Морок будто схватил за душу, потянул к себе. В руки и ноги словно вставили штыри. Я зашатался, прислонился к табачной лавке, снес с подоконника горшки с цветами. Ну, давай, Галхэрроу, ты же умеешь, стисни зубы и вперед.

Через три шага я шлепнулся наземь. Мир вокруг замер-

цал, засветился всеми цветами радуги. К горлу подкатила тошнота, по ушам бахнул небесный вой. Но тут боль сосредоточилась в точке – старой ране от драджевского копья, полученной еще при осаде Валенграда, – и засела в ней. Увечающая магия отыскала увечье.

Ну вот, так полегче, но от фос-змеи не удрать. Сколько ни убеждай себя в том, что боль – только в голове, что она плод воображения. Бывает, дерешься и в запале не замечаешь, как из тебя свищет кровь, будто из резаной свиньи. Но теперь, увы, не тот случай.

Змея уже догнала меня. Несколько лет назад я принял удар магии «малыша», и она не убила меня. Будем надеяться, что и магия спиннера не подведет.

Я сосредоточился на отраве, представил, как черная дрянь Морока бежит по моим венам, как живет в моих костях, пропитав их за много лет насквозь. Тысячи раз я проталкивал в глотку мясо тварей Морока, метался от принесенных им кошмаров и лихорадки.

Повернувшись лицом к змее, я увидел за ней, вдалеке, двоих, таких неуместных на этой грязной улице. Хм, а вот и те, что решили меня прикончить.

Убийца номер один: женщина, одинаковая в ширину и в высоту, эдакий шарик в длинном синем плаще. Волосы – то ли седые, то ли платиновые. От ее выставленных из-под плаща рук в перчатках исходило сияние. Ага, мамочка фос-змеи. Спиннер – очень неприятный противник. Но ме-

ня больше напугал стоявший рядом гигант.

Я – человек заметный, во мне шесть с половиной футов роста, и на этих футах – немало мяса. Но я легко бы спрятался в тени того восьмифутового монстра. А если посадить колдунье на плечи ее двойника, то двойник едва бы сумел заглянуть монстру в глаза. Верзила был лысым, большеголовым, красноглазым, с ритуальными шрамами на снежно-белой коже скул и челюсти и, похоже, совсем безоружным. Да, когда ты сам – оружие, можно обойтись и без железа.

Довольная колдунья сложила руки на груди, гигант бесстрастно наблюдал.

Змея метнулась ко мне.

– Эзабет, встань со мной, – прошипел я сквозь зубы.

Фос-змея ударила, и полетели искры, словно я был точильным камнем, а змея – прижатым к нему лезвием. Меня затрясло, змея замерла, свернулась, распухла. Наверное, спиннер старалась изо всех сил.

По всей улице взорвались фос-трубы, посыпалось битое стекло, завывли усеянные им прохожие. Змея с хлопком распалась, окатив меня светом – будто теплым ветром дохнуло. Спиннер зашаталась, упала на колени, посмотрела на меня с изумлением и ужасом. Что, удивлена? Ну, детка, сейчас мое железо ответит на твои вопросы.

Я вытащил клинок, и красноглазый гигант двинулся ко мне. Жуткие глазюки. И цвет тут вовсе ни при чем, просто в них нет ни капли человеческого. Кожа гладкая, мрамор-

но-белая. В общем, собрат-нелюдь. Но ярд стали в брюхе действует на переростков так же, как на всех остальных. И чем цель больше, тем легче в нее попасть.

Я решил рискнуть и ударил, взял высоко, в лицо, но чертова нога не пожелала слушаться, подогнулась, и выпад получился слишком коротким. А рука гиганта с презрительной легкостью схватила мой клинок. Я попытался выкрутить лезвие – черта с два, зажато оно было как в тисках. Выпустив меч, я заставил себя опереться на пылающую болью ногу, а другой врезал монстру в солнечное сплетение. Гигант не шелохнулся, отшвырнул мое железо в кювет и отвесил мне оплеуху. Голова аж мотнулась. Пустяки, не первая драка, выдержим. Я врезал монстру снизу вверх, в челюсть. И зря. Будто в камень саданул. Хрустнули кости, в руку словно вогнали штырь.

Ладно, последняя попытка. Я вломил левой, целясь пониже, – нет, чудовище поймало мой кулак. Обычно в драке мои кулаки не ловят, вес-то у меня не маленький. Но Гиганту было все равно: он обернул кулак своей лапищей, вывернул мне запястье и свободной рукой рубанул по предплечью.

Сломанная кость взорвалась болью, а я, получив удар в грудь, полетел через улицу. Приземлился скверно, в бедре болезненно хрустнуло. Монстр, стоя надо мной, равнодушно глядел на мои попытки подняться – так же, как и на попытки атаковать. Затем он поставил ногу мне на грудь, надавил и посмотрел с легким любопытством: ну, чего он там? Я по-

благодарил свои ребра за то, что они так долго и хорошо берегли легкие и прочую требуху, и простил их за то, что они не справятся сейчас.

Но гигант не ударил. Он лишь пялился на меня кроваво-красными глазами. На огромном лице читалось полное равнодушие. Хоть бы толика победной радости или возбуждения от драки.

Подошла спиннер, за ней – кучка молокососов в красных мундирах.

– Как ты это сделал?

– Легко, – задыхаясь, ответил я колдунье, нога на груди мешала говорить. – Он треснул, я полетел, сработала сила земного притяжения. И вот.

Случайно прикусив щеку, я сплюнул кровь. В ней была примесь черного.

Колдунья не поняла шутку и взвизгнула:

– Как ты блокировал заклятие удержания?!

Этого я не смог бы объяснить, даже если бы захотел.

Появилось знакомое лицо. Ха, Кассо.

– Прекрасно, Каналина, – похвалил ублюдок спиннера. – Вы обещали достать его – и достали.

– Я обещала поймать его – и не поймала, – сердито буркнула спиннер.

– Все хорошо, что хорошо кончается, – радостно изрек мой бывший подчиненный. – Ребята, поднимайте его. Пора ему повстречаться с боссом. Капитан, лучше вам было прий-

ти по-хорошему. Жаль, что так вышло. Но я предупреждал.
– Отвали, выскочка-недоносок, – прошипел я.

Конечно, злость помогает, когда у тебя все переломано, разорвано и горит огнем. Но, духи святые, злиться – это так глупо...

– Ты сам меня учил: арестованные должны вести себя тихо. Помнишь? – холодно и равнодушно процедил Кассо.

Он пнул меня в бедро. То, что раньше было лишь надломано, сейчас треснуло окончательно. Я вскрикнул, затрясся всем телом. И как теперь идти? Одна нога бесполезна, бедро второй развалилось на части. Но Кассо плевал на такие мелочи. Его люди, довольные, поволокли меня, не обращая внимания на стоны.

Глава 11

Они оттащили мое израненное тело в камеру под Цитаделью. При словах «тюремные подвалы» воображение рисует сумрак и мрачные стены, скользкие от плесени и слез бесчисленных сломленных узников. Камера была чистой, сухой, но все же более неприятной, чем сырые воображаемые застенки. Половину ее отделили стальными прутьями, стены выкрасили ярко-белым. Безжалостное бледное сияние фоса высвечивало остатки пятен на стенах, не поддавшихся чистке.

Когда за мной лязгнула дверь, я попытался отдышаться и не потерять сознание. Что за номер? В Фортуна-тауне мне загнали в грудь арбалетный болт, я встряхнулся и пошел дальше – а тут белый монстр схватил меня, словно терьер крысу. А я-то думал, будто сделался сильным, готовым ко всему. В общем, сделался наковальней. Вот только ломаные кости говорят об обратном. Одно утешение – срastутся. Отрава Морока исцелит меня, правда не сразу, поначалу я буду валяться, стонать, хрипеть и ныть. Увы, кости заживают куда медленней мягкого. И важно, чтобы зажили они правильно. Надо помочь им, пока не поздно.

Ни на левой, ни на правой руке я не мог согнуть пальцы в кулак. Правое предплечье треснуло, но перелом был закрытым и кости не разошлись – хотя под чудовищной опухолью

поди разбери. Пальцы левой руки неестественно торчали. Я положил кисть на пол, наступил на нее и выждал, пока минует волна тошноты. Затем оперся на ногу и потянул за пальцы. Качнулся вперед, выметал на пол завтрак и упал. Полежал, отдышался, посмотрел на пальцы. Ну ладно. Сойдет.

Тяжело думать, когда в голове одна боль, но я заставил себя сосредоточиться.

За свою карьеру я многих людей запихнул в белые камеры. Кое-кого из них даже завербовал. Мне повезло: в основном, белые камеры были размером два на два фута. Моя же – целых шесть на шесть. Роскошь. Но и никаких шансов на бегство. Если ты уж попал в белую камеру, покинешь ее только с чьего-нибудь позволения. Ни окон, ни стоков, ни вентиляции, этажом выше – казарма. Из белых камер пытаются бежать лишь безумцы и дураки. На моей памяти бегство не удалось еще никому.

Я прислонился к стене, прижал ладонь к бедру. Место перелома определил по колющей боли. Сосредоточился на ней. Увы, унять боль было нечем. Она терзала в любом положении, лютая, холодная, да так, что перехватывало дух. То место, куда наступил гигантский парень – кстати, человек он или нет? – болело, но, похоже, ребра не повредились. Уже неплохо.

Оставаться наедине с болью погано, поэтому я обрадовался, когда отворилась дверь и в отгороженное решеткой пространство зашла колдунья. Дверь она не закрыла, и в коридо-

ре виднелась пара охранников. Спиннер посмотрела на меня так, словно была школьной директрисой, а я – сиротой-замарашкой, попавшей в ее кабинет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.